

ЖУРНАЛ
ЦЕНТРА
ПОДДЕРЖКИ
МИССИОНЕРСКИХ
СТАНОВ

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

МИССИОНЕРСКИЕ СТАНЫ

БЛАГОЧЕСТИЕ
В ЖИЗНИ
МИССИОНЕРА

ЛАВРЕНТИЯ –
МЕСТО, ГДЕ
ВСТРЕЧАЮТСЯ
ОКЕАНЫ

СОВЕРШЕНО
ТАИНСТВО
КРЕЩЕНИЯ
НА РЕКЕ ЛЕНЕ

НОВОСТИ МИССИОНЕРСКИХ СТАНОВ _____ 3

**БЛАГОЧЕСТИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЖИЗНИ МИССИОНЕРА** _____ 6

Протоиерей Сергей Рубежанский

**МАРКОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ПРИМЕР МИССИОНЕРСКОГО
ОСВОЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА** _____ 10

Священник Владимир Шелих

РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ЯПОНИИ И АФОН _____ 14

Игумен Иоанн (Рубин)

СЕЛО ЛАВРЕНТИЯ – МЕСТО, ГДЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ ОКЕАНЫ _____ 18

Протоиерей Александр Дунязин

**РУССКИЕ ДУХОВНЫЕ МИССИИ В АБИССИНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ** _____ 21

С.В. Григорьева

**ХРИСТИАНСКАЯ ПРОПОВЕДЬ,
ОБРАЩЕННАЯ К БУДДИСТАМ** _____ 31

Р.С. Готман

Новости миссионерских станов

VIII научная конференция «Православие на Дальнем Востоке» пройдет в декабре

12-13 декабря 2024 года в Санкт-Петербурге состоится VIII научная конференция «Православие на Дальнем Востоке». В этом году конференция приурочена к 210-летию святителя Гурия (Карпова).

В рамках конференции предполагается рассмотреть историю становления и современное состояние Православия в Китае, Японии, Корее, Монголии, в Сибири и на Дальнем Востоке России, а также духовно-просветительскую, переводческую, дипломатическую и научно-исследовательскую деятельность сотрудников Российских Духовных Миссий в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Для участия в конференции необходимо при-слать до 24 ноября 2024 года заявку и краткую аннотацию доклада. Подробнее о том, как принять участие в конференции, – в информационном письме.

По итогам конференции предполагается публикация докладов в научном журнале «Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной академии» (РИНЦ). Информация о требованиях к оформлению статей и сроках направления их рукописей в Оргкомитет будет разослана после конференции. Формат конференции смешанный (очно, онлайн).

**Богослов.Ru /
Санкт-Петербургская Духовная академия**

Иркутские миссионеры посетили отдаленные приходы епархии

Руководитель миссионерского отдела Иркутской епархии священник Никита Зверев побывал в рабочей поездке в Заларинском районе с частицей мощей святителя Николая Чудотворца. Поселок Залари основан казаками в 1704 году. Каменная Никольская церковь была разрушена в 1936 году. В 1997 году в приспособленном помещении был открыт приход св. мучениц Елисаветы и Варвары.

Миссионеры посетили с. Троицк (строящийся храм Святого Духа) и с. Хор-Тагна (старинный храм в честь Святителя Николая Чудотворца, 1915 года постройки, но уже разрушенный).

На местах был отслужен молебен с акафистом святителю Николаю Чудотворцу. Несмотря на будний день, храмы были полны людей.

t.me/vse_OBO_vsem_irk

В Туве завершился VIII миссионерский съезд

В Туве состоялся уже VIII ежегодный Миссионерский съезд, который в этом году проходил в течение 12 дней. Участниками съезда стали представите-

ли девяти регионов страны. Большинство участников выпускники Миссионерских онлайн-курсов 2023/2024 от миссионерского отдела Кызыльской епархии.

Открытие съезда состоялось 8 июля в Кызыле. После молебна в Воскресенском кафедральном соборе в актовом зале епархиального управления прошла конференция, в ходе которой викарий Кызыльской епархии епископ Туранский Ермоген (Корчуков) вручил дипломы и аттестаты выпускникам миссионерских курсов и обратился с напутственным словом. На конференции прозвучали доклады на разные темы миссионерского служения. В этот же день в Кызыле состоялся миссионерский практикум в виде уличной проповеди.

С 9 по 13 июля работа съезда проходила в Барун-Хемчинском районе республики. Миссионеры благовествовали в г. Ак-Довурак, п. Тэлли, п. Кызыл-Мажалык. 14 июля участники съезда обошли с проповедью поселки Сосновка и Дурген.

В период с 16 по 19 июля состоялась четырехдневная поездка в Монголию, в ходе которой выпускники миссионерских курсов обращались с проповедью к монголам через заученные фразы и демонстрацию проповеди о Христе в текстовом виде. 12 дней съезда прошли в теплом и дружном общении.

Миссия в Туве в июле

Июль выдался очень жарким и в прямом, и в переносном смысле. На миссии в Туве в июле было 15 приезжих миссионеров, а в общей сложности – 18. Благовестники полмесяца трудились на уличной миссии в Кызыле, обошли весь п. Усть-Элегест. В рамках VII Миссионерского съезда посетили с проповедью г. Ак-Довурак и посёлки Тэлли, Кызыл-Мажалык, Дурген, Сосновка.

6 дней двое миссионеров: Алексей Балахонов (Миссионерский отдел МДА) и Константин Пильгуй (выпускник миссионерских онлайн-курсов миссионерского отдела Кызыльской епархии) жили в пос. Бай-Хаак. Ежедневно благовестники ходили проповедовать по домам посёлка. В последний день пребывания в посёлке ребята посетили общину протестантов, где Алексей выступил с докладом о Церкви Христовой.

Во время съезда проповедь распространилась и на монгольский Улангом. В июле состоялось одно крещение (тувинки Моники). В общем, огромная благодарность братьям и сестрам, приехавшим потрудиться в Туву! Большая часть гостей – учащиеся и выпускники миссионерских онлайн-курсов от мисс. отдела Кызыльской епархии, двое – из ШПМ.

В г. Ак-Довурак начаты строительные работы по возведению храма в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Православный приход этого западного тувинского городка существует 10 лет. Местные христиане собираются для богослужений во временном, специально обустроенном, помещении в здании общежития.

Всех жертвователей сердечно благодарим! Без вашей поддержки не получилось бы выполнить тот объём миссионерской работы, который милостью Божией был сделан.

t.me/missionlife_Tuva

В День Крещения Руси совершено Таинство Крещения на реке Лене

28 июля 2024 года, в праздник Крещения Руси, архиепископ Якутский и Ленский Роман совершил Таинство Крещения на протоке реки Лена в черте города Якутска. К Таинству приступили более тридцати человек – взрослых и детей. Новообращенные получили в подарок литературу, подготовленную Якутской епархией: карманные молитвословы на церковнославянском и якутском языках и брошюры о смысле Таинства, Символе Веры и десяти заповедях.

За неделю до знаменательного события все желающие креститься в водах Лены прошли оглашение – его провел настоятель Никольского храма иерей Александр Коробкин.

Традиция крещения на реках древняя; в Якутии она начала широко практиковаться десять лет на-

зад, 28 июля 2014 года, когда владыка Роман впервые совершил Крещение на Лене, на территории заповедника «Ленские столбы». В следующие годы Таинство неоднократно совершалось и в других районах Якутии.

В Ленском благочинии состоялся молебен на месте строительства часовни

24 июля 2024 года в селе Дорожный благочинный Ленского округа протоиерей Анатолий Астафьев совершил молебное пение на месте строительства часовни в честь Святого Николая Чудотворца.

На богослужении присутствовали инициаторы строительства начальник ДРСУ МУАД Р.Х. Хайбулинов, механик ДРСУ МУАД Г.А. Розбицкий, глава муниципального образования «Мурбацкий наслег» Л.М. Иванова.

По завершении молебного пения благочинный обратился с речью ко всем присутствующим, в которой акцентировал внимание на важности строительства часовни и рассказал краткое житие Святого Николая Чудотворца.

Завершился проект аудиозаписи книги Ветхого Завета «Исход» и Библии для детей на якутском языке

Завершился проект аудиозаписи книги Ветхого Завета «Исход» и Библии для детей на якутском языке. Об этом сообщила руководитель переводческого отдела Якутской епархии Саргылана Леонтьева. Проект осуществляется по благословению архиепископа Якутского и Ленского Романа.

Книгу «Исход» озвучил заслуженный артист РС(Я), переводчик Кирилл Михайлович Семенов. Библию для детей прочитала заслуженная артистка РС(Я) Елизавета Федотовна Потапова.

В ближайшее время аудиозаписи будут размещены на сайтах Института перевода Библии и Якутской епархии. Работа по переводу Священного Писания на якутский язык и его распространению среди носителей имеет важное миссионерское значение. За советский период якутский язык значительно поменялся, и дореволюционные переводы потеряли актуальность.

pravyakutia.ru

Благочестие как неотъемлемая составляющая жизни миссионера

Протоиерей Сергей Рубежанский

Термин «благочестие» (в переводе с греческого εὐσεβεία от εὖ — благо и σέβομαι — чту, почитаю) как благоустройство человеческой души, направленной на почитание кого-либо, употреблялся как греческими писателями в эпоху классического периода, так и великими мужами Ветхого и Нового Заветов.

Древние греки употребляли термин «благочестие» в контексте желания обозначить почитание (особое отношение) к родителям, учителям, правителям и благодетелям. К примеру, знаменитый философ Сократ, живший в IV веке до Рождества Христова, любил употреблять слово «благочестие» для выражения почитания красоты как таковой. Древнегреческий писатель и историк афинского происхождения Ксенофонт, изучая позицию Сократа и его учеников по отношению к благочестию, говорит: «У сократиков эти понятия целиком перешли в интеллектуальный план, так что благочестие оказалось одним из видов знания» [1, с. 47]. Учитель Аристотеля древнегреческий философ Платон определяет благочестие как составляющую человеческой

души, к которой добавляет храбрость, умеренность и справедливость. В свою очередь сам Аристотель в своем сочинении «О добродетели и пороках» рассуждает о благочестии в контексте поклонения богам, почитания родины и уважения к родителям. Примечательно, что Аристотель добавляет к благочестию такой компонент как почитание усопших.

Не без внимания остался этот вопрос и у стоиков, философской школы времени раннего эллинизма. Используя рациональное осмысление проблемы благочестия и рассуждая в рамках предмета школьной риторики, они приходят к такому утверждению: если нет богов, то нет и благочестия. Этот вопрос, в той или иной интерпретации, актуализируется и поныне в недрах неокрепшего, когнитивно неразвитого сознания молодых людей. И тем не менее представитель еврейского эллинизма Филон Александрийский в своих рассуждениях объединяет платоновские философские традиции с экзегетикой Священного Писания. Он говорит о том, что «подобно тому, как в платонизме добродетель подводит сознание человека к сверхчувственной реальности,

так вера и благочестие приближают сознание человека к Богу» [2, с. 86].

В своем трактате «О десяти заповедях» Филон Александрийский подчеркивает, что «лучшее начало всего сущего — Бог, а добродетели — благочестие» [2, с. 104].

Вся Ветхозаветная традиция с ее религиозно-этическим отношением ко всему происходящему основывалась на богобоязненности как главном условии благочестия. Через это происходит призыв ко всем верующим «ходить путями Его, любить Его и служить ему всем сердцем, всей душой своей» (Втор. 10.12). В этой традиции мы находим определение для благочестия как религиозно-этической нормы, указывающей на обязательное соблюдение заповедей и решительную готовность выполнять повеления Божии, проецирующиеся в принятии промысла по отношению к своей жизни на земле. Раннехристианский мученик и апологет Иустин Философ, причисленный к лику святых в Православной и Католической церквях, живший во втором веке по Рождестве Христовом, говорит о том, что ветхозаветная традиция неукоснительно соблюдать законы и обряды не может считаться истинным благочестием.

Обличая эту традицию, святой Иустин Философ подчеркивает, что «иудей может формально исполнять обрядовые нормы, не переставая в душе быть преисполненным коварства и всякой злобы. Они создали религию строжайшей обрядности; и даже глубокие нравственные прозрения их позднейших пророков не могли ни изменить, ни отменить выработанное ими национальное понимание религии» [3, с. 163]. Таким образом, ветхозаветное благочестие обусловлено страхом перед Богом, страхом перед возможностью потерять покровительство Бога, потерять народную (племенную) богоизбранность, потерять гарантию земного благополучия и защиты от врагов.

Где же мы можем найти совершенный образ благочестия? Измученное житейскими противоречиями и грехами сознание неверующего человека не сможет выработать и сконструировать правильный ответ на этот вопрос. Лишь православный разум, напоенный верою, способен напомнить каждому о том, что только во Христе Бог явил нам образ совершенного благочестия, в котором мы находим всепрощающую любовь к нам, грешным и слабым людям. Неспроста апостол Павел называет пришествие Бога в мир и Его явление во плоти «великой благочестия тайной» (1 Тим. 3. 16). Сакральный смысл благочестия, согласно богословским представлениям апостола Павла, заключается в том, что достоинство человека (его образ и подобие Божие) являет собой онтологическое соответствие с его предвечным Божественным предназначением. Для каждого человека, живущего во Христе, основой существования как в нравственном, так и в онтологическом контекстах является Воплощение Слова Божия.

Любимый ученик Иисуса Христа апостол и евангелист Иоанн Богослов при описании Его благочестия указывает на то, что оно заключается в любви и почитании Бога Отца. И как следствие этого мы можем утверждать, что истинное благочестие может заключаться только в единственном — в поклонении Богу Отцу «в духе и истине» (Ин. 4. 23).

Безусловно, Личность Господа нашего Иисуса Христа открывает нам образ идеального благочестия. Вся Его земная жизнь была наполнена этими примерами и свидетельствами. Апостол и Евангелист Матфей свидетельствует о том, что благочестиво живущие, все верующие в Господа во дни второго Пришествия Христа «воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13. 43). В дополнение к этому основные черты христианского благочестия мы можем найти в молитве «Отче наш», где есть призыв к прославлению Небесного Царя, принятию Его Царства и преданности его воле.

Именно поэтому мы видим пример у первых христиан, благочестие которых было направлено на приближение к идеалу Божию, выраженному в спасительном подвиге Сына Божия. Апостол Павел в послании к Римлянам говорит: «как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6. 4). Каждый верующий, соединяясь со Христом, открывает для себя путь к Отцу. Православная Церковь помогает следовать не сбиваясь с пути. И чем ближе человеческая душа приближается к Богу, тем все меньше она нуждается в законе, потому что уже не закон, а благодать помогает человеку.

Святые Отцы и учителя Церкви в своих пастырских и нравственных наставлениях, на основе Священного Писания и Священного Предания сформулировали изящные по стилю и одухотворенные по содержанию примеры православного христианского благочестия. Вот некоторые из них.

Священномученик Иринеи Лионский под благочестием подразумевает истинную веру. Блаженный Августин называет благочестие богопочитанием в собственном смысле этого слова. Святитель Григорий Богослов указывает, что истинное благочестие заключается в любви к Богу, являемой через исполнение заповедей. Святитель Иоанн Златоуст определяет благочестие как делание, упражнение в чистой вере и правой жизни.

Святитель Василий Великий совершенно справедливо указывает на важность постепенного совершенствования на пути к благочестию. Апостол от семидесяти, четвертый епископ Рима святитель Климент, говоря о значимости и пользе благочестия, приводит в пример жизнь Лота и указывает, что Лот был спасен от наказания «по причине странноприимства и благочестия» (1 Кор. 11. 1).

В дальнейшей жизни Церкви, призывающей нас совершать «жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим. 2. 2), в понятие «благочестие» интегрируются культурные и духовные достижения. В Римской империи христианское

благочестие стало духовно-нравственной силой, обеспечившей торжество христианства и укрепление государственности. Вера и традиции благочестия явили собой величайшую православную христианскую цивилизацию. Ими были пропитаны все стороны человеческой жизни: личной, семейной, социальной, государственной.

Это поспособствовало развитию литургических форм, расцвету церковной проповеди. Начали строиться прекрасные храмы, развивались архитектура, иконография. Появляется преемственность в традициях монашеской аскетики и развитие высокохудожественного византийского обряда. Все сферы человеческой жизни преображаются, приобретая образ идеальной гармонии в союзе Бога и человека.

В контексте вышесказанного мы можем выделить несколько основных аспектов православного благочестия. Первый: благочестие — это основной религиозный принцип отношения человека к Богу и Его промыслительным действиям в нашем мире. Второй: благочестие являет нам путь, ведущий к Богооткровенной истине. Третий: благочестие являет собой подтверждение истинности догматов православной веры в неукоснительном соответствии апостольским и святоотеческим традициям. Четвертый: благочестие — это идеальный образ жизни, выстраиваемой в соответствии с требованиями духовного совершенства, включающими в себя заповеданную Евангелием любовь к ближним. Пятый: благочестие являет собой степень духовно-нравственной личности на пути совершенствования и восхождения к обожению.

В настоящее время широко обсуждается тема «расцерковления». С разочарованием сталкиваются не только неофиты в церковной жизни, но и люди, долгое время ходившие на богослужения и участвовавшие в Таинствах Церкви. Как следствие «расцерковления» — прекращение всех видов религиозных практик. Стоит отметить, что многие из них сохраняют веру в Бога, но подчеркивают, что конфессиональная религия им не нужна. В чем же причины такого поведения и такой формы мышления?

Еще в XVIII веке проповедник и поэт Герхард Терстеген обратил свое внимание на эту проблему и написал целый трактат «О различном понимании того, что есть благочестие и преуспевание в нем». В данной работе Герхард объясняет свое видение и предлагает пути разрешения данного духовно-религиозного надлома. По его мнению, основная ошибка новокрещеного человека заключается в неправильном восприятии и осознании самого Таинства Крещения. Взрослый человек, принимающий Таинство Крещения, зачастую думает, что вместе с Таинством получает полный и действенный набор помощи от Бога для различных житейских нужд. Естественно, такой подход ошибочный и зачастую приводит к печальным последствиям.

В связи с этим Терстеген предлагает разделять первый этап начального обращения человека к

Богу, то есть принятия Таинства Крещения, и второй этап, заключающийся в духовно-религиозном делании — «в новом рождении свыше».

Стоит отметить, что между первым и вторым этапом расстояние может измеряться всей жизнью человека. Не исключается и тот факт, что ко второму этапу крещеный человек может и не дойти: «Большинство христиан остаются только при некоторых начатках христианства, не возрастая и не преуспевая в нем усердно и постоянно и проводя пред Богом и людьми обыкновенную, исполненную немощей и по преимуществу внешнюю жизнь» [4, с. 72].

Благочестие внешнее без внутреннего делания дает малую пользу. Просто читать духовную литературу, проводить благочестивые беседы, совершать бессодержательную устную молитву — недостаточно. Это не приведет к качественному изменению нашего сознания и реальной духовной жизни. Такого рода внешнее занятие благочестием дает лишь временное душевное успокоение, сомнительное видение своего духовного возрастания и ложное представление о своем благочестивом преуспевании. Спустя некоторое время такого «делания» оскудевает энтузиазм, и человек начинает вопрошать, почему Бог оставил его.

Вдобавок сравнивает свои душевные переживания со скорбями праведного Иова, царя Давида и других святых, но не обращает внимания на от-

сутствие в его жизни реального делания по избавлению от человеческих недостатков и пороков. Они зачастую видятся ему как «грехи по немощи», от которых невозможно да и неприятно избавляться.

У таких христиан наблюдается дихотомия в повседневной жизни. В храме они ведут себя благочестиво, а за пределами остаются прежними, весьма раскованными и вольнодумными личностями. Основным выходом из этой ситуации является постоянное движение вперед по пути жизни во Христе. Это устремление, сопряженное с существенным внутренним духовным деланием, изменяет, лучше сказать очищает наше сознание, делая человека «рожденным свыше».

В данном контексте вспоминается работа протоиерея Александра Шмемана, в которой он говорит о благочестии, но совокупленном с богослужением. Это очень интересная позиция, раскрывающая полноту делания, связь между благочестием и богословием: «Пришло время глубокой переоценки отношений между богословием и богослужением (благочестием)» [4, с. 8]. Духовное делание христианина обязательно должно включать в себя как благочестие, так и обязательно правильное (православное) богословие. Принимая данное утверждение, христианин начинает лучше понимать и значимость Литургической жизни, вдобавок к главному, помогающей сохранить Предание, в том числе и в богослужебных текстах.

Протоиерей Александр Шмеман, отмечая оскудевающую связь между богослужением и жизнью человека, говорит: «Богослужение, оставаясь наиглавнейшим действием Церкви, утратило связь со всеми прочими аспектами ее жизни: с призванием Церкви образовывать, формировать и направлять церковное сознание и “мировоззрение” христианской общины. Можно быть горячим приверженцем “древних ярких обрядов” Византии или Московской Руси, видеть в них драгоценные обломки незабвенного прошлого, можно быть литургически “консервативным” — и вместе с тем совершенно неспособным опознать в целокупной Церкви то всеохватывающее видение, ту силу, что призвана судить, наполнять собой и преображать все сущее» [4, с. 15].

Протоиерей Александр Шмеман высказывает огорчение по поводу отчуждения богослужения от индивидуальной жизни христианина. Он подчеркивает, что очень часто богослужение ограничено храмом, что негативно влияет на качество духовной жизни. Богослужение, воспринимаемое всей жизнью, изменяет «жизнь ветхую», преображает, делает ее целостной.

К какому же выводу, к какому умозаключению мы приходим? Размышления Герхарда Терстегена и протоиерея Александра Шмемана, основанные на вековом реальном опыте святых учителей и подвижников веры, связаны единым истинно христианским пониманием того, что наличие в сознании человека разногласия между благочестием (бого-

служением) и богословием приводит к неизбежному кризису, вселяющему в ума людей разлад, ведущий к духовному «выгоранию» и отступлению.

Постоянная духовно-религиозная рефлексия, сопряженная с постоянным согласованием своей жизни с жизнью Церкви, являет собой залог, характеризующий правильный вектор следования за Христом.

Литература

1. Йегер В. Пайдея. — М.: ФСЕ, 1997. — 316 с.
2. Фелон Александрийский. Размышления мученика. — М.: УЦИММ-ПРЕСС, 1996. — 416 с.
3. Герхард Терстеген. О различном понимании того, что есть благочестие и преуспеяние в нем. — СПб.: Изд. Дрофа. 1996. — 410 с.
4. Шмеман А. Богословие и богослужение. — М.: Айрис-Пресс. 1993. — 180 с.
5. Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. — М.: Гард., 2004. — 319 с.
6. Модестов С. Путь веры и благочестия христианина. — М. Республика, 1996. — 479 с.

Марковская церковь как пример миссионерского освоения Крайнего Северо-Востока

Священник Владимир Шелих

История освоения Крайнего Северо-Востока неразрывно связана с Православием, которое явилось связующим элементом при формировании Российского государства. Деятельность Православной церкви послужила основой успехов в просвещении и становлении добросердечных отношений с коренными жителями региона [8, с. 56]. Православная церковь — верный сподвижник самодержавия в деле русификации и приведения в подданство народов. Ее учреждения возникали почти одновременно с организацией торговых и административных пунктов в этом крае.

Вопрос о массовой христианизации чукчей встал только после того, как с ними были налажены регулярные связи. Вместе с постройкой Анюйской крепости была воздвигнута часовня, которая должна была их обслуживать. Однако попытка христианизации чукчей никаких изменений в их сознание не внесла, а эскимосов христианизация не коснулась совсем. Несколько иначе обстояло дело среди чуванцев, юкагиров и эвенов.

Эвены, появившиеся на Чукотке в XIX в., прошли через более длительный период христианизации. Они восприняли русскую веру, соблюдая при этом и языческие обряды, стали носить православные имена и фамилии, иконы сделали необходимым предметом в своих жилищах. Жившие в соседстве с русскими (пос. Марково, Солдатово и др.) чуванцы и юкагиры также приняли православную веру. История скрывает многочисленное количество героев и подвижников, творивших ее. Время напрочь стирает их имена из памяти людей, лишь безмолвные свидетели тех дней, хранящиеся в запасниках музеев, несут отпечаток их трудов.

«Миссионер, в узком смысле слова, — специально обученный проповедник, возвещающий Евангелие тем, кто не слышал православного свидетельства. Он должен воспитывать в себе три главных добродетели, необходимых для спасения каждому христианину, а тем более тому, кто возвещает другим об этом спасении: смирение, терпение и любовь» [8, с. 86]. Отправиться в неведомые дали для

просвещения людей светом Христовым — подвиг великого служения. Какой же невыносимой ношей должна тогда быть участь человека, обремененного семьей. Мы славим монашествующих и отшельников, оставивших блага мира для дела проповеди служения Богу, но забываем о подчас кажущихся на первый взгляд простыми людях семейных.

Семья — это не только радость и утешение в годину испытаний, но и огромная ответственность перед Богом. Таинство брака по канонам Церкви нерасторжимо: «Что Бог сочел, того человек да не разлучает» [9]. Но все ли это бремя несут достойно? Сколько разбитых сердец и сломанных судеб показывает нам сама жизнь. На этом фоне подвиг миссионера и его семьи еще более значим. Можно ли чему-то научить, не подавая собственного примера, а тем более учить вере? «Вера без дел мертва есть» [10], «Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих» [11]. Таков ответ тем, кто еще не до конца осознает подвиг служения женатого священства и их семей в деле просвещения.

Нельзя говорить и не делать, нельзя научить любить остальных, если нет любви в твоей собственной душе, семье. «От избытка сердца говорят уста» [12] — таков должен быть посыл любви пастве своего духовника. Но где взрастить, воспитать эту любовь, как не в семье? «Семья — малая церковь» [12], которая объемлет все стороны нашей бытовой жизни. Задача миссионера вдвойне нелегка: поселить добродетели сначала в своей семье, а потом на примере ее распространить на всю паству. Не каждая семья согласится, а уж тем более вынесет достойно нелегкую долю миссионерского служения.

Одним из таких бескровных мучеников был священник Митрофан Шипицин. В апреле 1865 года начался нелегкий миссионерский труд в селе Маркове для семей отца Митрофана и псаломщика Федора Верещагина. В XIX в. в Маркове был центр Анадырского православного прихода, охватывавшего громадную территорию, там же проживал его причт. В селе начинались первые робкие попытки выращивания овощей на Чукотке. Основное постоянное население составляли переселенцы из Гижиги и Средне-Колымска. Преобладали коренные жители, объединенные в общины по признакам принадлежности к различным народностям.

Привлекательность села стала возрастать после того, как в 1862 году здесь была построена первая церковь Анадырского прихода. Это послужило толчком для переезда в Марково духовного причта из крепости, где он находился с 1844 года при тамошней часовне для обращения местных жителей в христианство. Во второй половине 1860-х годов крест церкви послужил ориентиром для астрономического определения положения села по географической долготе и широте участнику экспедиции Гергарда Майделя Карлу Нейману. Это было первое определение по двум координатам для карты тог-

дашнего Генерального штаба, сделанное в центре громадного края.

Что представляла собой первая марковская церковь? В описании американского журналиста и путешественника Джорджа Кеннана сказано: «Церковь бревенчатая. Стены здания украшены изображениями патриарха и русских святых, перед которыми горят большие восковые свечи, перевитые спирально полосками позолоты» [3]. Храм был освящен в честь святителя и чудотворца Николая Мирликийского в 1862 г. «На крыльце стоял священник... с длинными развевающимися волосами и бородой, в широком черном одеянии, держащий над головой своей длинную сальную свечу, пламя которой сильно колебалось в холодном ночном воздухе. «Здравствуйте, добро пожаловать», — сказал он. Чуванцы, юкагиры, русские в желтых меховых капорах и платьях из оленьих шкур толпились у дверей».

Далее Кеннан описывает комнату, в которой поселил их отец Митрофан: «Пол устлан мягкими оленьими шкурами, в которых нога утопала при каждом шаге, яркий огонь горел в красивом очаге, приветливо освещал всю комнату. Кроме того, восковая свеча с позолотой горела перед массивным, вызолоченным образом против дверей, в окнах — стекла вместо льда или пленки рыбьих пузырей... Нескольких книг и журналов лежало на столике в углу, и все в доме было удобно, со вкусом и рассчитано на комфорт» [3].

Однако плохой улов рыбы, малая добыча оленьей, а также разорение Русско-Американской телеграфной компании привели марковцев и жителей близлежащих сел к голоду в конце 1867 — начале 1868 годов. Еще в середине семидесятых годов русские жители Марково не раз затевали разговор с отцом Митрофаном о необходимости обучения их детей грамоте. Об этом стали говорить на сходках и чуванцы. Отец Митрофан одобряет — надо обществом просить епархиальное начальство в Благовещенске разрешить открыть здесь церковно-приходскую школу и прислать учителя... Бумагу об этом писал Афанасий Ермилович Дьячков в доме у священника при его консультации. На прошении стояли две подписи: старосты Кулиновского, за которого расписался Дьячков, и священника — отца Митрофана Шипицына.

Пакет с первой почтой 1880 года отправили в Гижигу и далее в Благовещенск. Оставалось теперь ждать, как поступит начальство... В деле создания школы в Марково перекрещивались интересы народа, правительства и церкви. Создать здесь казенную школу правительственные чиновники не могли — не было денег. Разрешить организовать народную школу не хотели — опасно, будет вольнодумство. Решили пойти на создание церковноприходской школы под контролем церкви и поручили Митрофану Шипицыну подобрать учителя на месте. Такое разрешение от епархиального начальства было получено лишь с фев-

ральской почтой 1883 года. На содержание школы, жалование учителю и приобретение учебных пособий выделялось сто рублей в год из Благовещенского комитета православного миссионерского общества [3].

Закончилась зима с ее лютыми морозами, сильными метелями. С декабря минувшего года сельчан приводило в ужас массовое заболевание взрослых и детей какой-то болезнью, которая выражалась «колотью в животе и горячкой». Это была эпидемия гриппа. Афанасий Ермилович пишет: «Болезнь обнаружилась в доме купца, приехавшего с Колымы. Купец жил в доме у священника, а торговыми делами занимался в особом доме» [3]. Болезнь продолжалась до февраля 1883 года. От нее умер 61 человек в 1882 году и 120 — в 1883-м. Открытие школы в Марково состоялось 15 мая 1883 года. Школа — небольшое и невысокое, всего в 16 венцов, здание с односкатной крышей из тополевой коры — как-то сиротливо возвышалась перед собравшимися. На окнах висели гирлянды из зеленого стланика, перевитого лентами. Над входной дверью были тоже прибиты ветки стланика, а над ними выше прикреплена небольшая иконка Божьей Матери. Еще в апреле А.Е. Дьячков обошел все дома в Марково, переговорил с родителями, переписал всех детей от 8 до 15 лет — мальчиков и девочек. В список было занесено человек 40.

Сегодня мы не располагаем первоначальным списочным составом учеников, но знаем, что через три года (в 1886 году) школу окончило 36 человек [5]. Таким образом, с мая 1883 года к занятиям должно было приступить не менее 36 учеников. Занятия в школе по поручению священника вел чуванец самоучка Афанасий Ермилович Дьячков, а также сам Митрофан Шипицын. Еще в 1865 году, когда Шипицын вместе с псаломщиком Федором Верещагиным впервые приехал в Марково, прежний священник, передавая ему приход, советовал обратить особое внимание на семью Ермилы Ивановича Дьякова, проживавшую в Оселкино.

Благодаря тяге к знаниям Афанасий Ермилович, по сути, самостоятельно к 28 годам овладел

грамотой. Когда священник Митрофан Шипицын увидел, что Афанасий уже научился читать, ему стали давать читать на клиросе Часослов и Псалтырь, что сильно подняло его авторитет среди соплеменников... Им льстило, что грамотным стал их соплеменник, и это поднимало их собственную самооценку.

В автобиографии Дьячков пишет: «Когда в 1883 году по распоряжению епархиального начальства священником Митрофаном Шипицыным открыта была в Марково школа, отец Митрофан обратился к нему — Афанасию — с предложением поступить в школу в качестве учителя. Хотя Афанасий сознавал недостойным взять на себя учительскую обязанность, потому что учитель должен быть вполне образованным человеком, но делать было нечего, да и занятия обучения детей грамоте некому было вести, а псаломщику священник по каким-то причинам не доверял обучение детей. С открытия школы... Афанасий занимается в ней преподаванием грамоты» [3].

Осенью 1882 года в Марково сгорела деревянная церковь [4]. Благовещенская епархия выделила деньги на строительство новой церкви вместо сгоревшей. Выделены были деньги и на новое церковное оборудование. Этого добился отец Митрофан: весной 1884 года он специально ездил в Благовещенск. Псаломщик Федор Верещагин еще зимой был направлен Шипицыным в Якутск, в епархию с просьбой выделить для новой церкви все необходимое: подсвечники, иконы, облачения, священные книги, свечи, гарное масло, лампы и многое другое.

Зимним транспортом на собаках все это было доставлено в Марково. В начале 1885 года строительство было закончено, и вскоре церковь была освящена. Но и она прослужила всего четыре года и также по халатности истопника в ноябре 1889 года сгорела дотла. Вновь марковцам пришлось строить церковь, но теперь уже не из тополевого, а из листовенного леса. На строительство новой церкви плотниками работали все пять братьев Дьяковых: Афанасий, Осип, Илья, Иван и Данила. В 1889 году

Поселок Марково сегодня

отец Митрофан Шипицын, спускаясь вниз по реке Анадырь с очередной миссионерской миссией, в маленьком чукотском стойбище на Утесиках «имел счастье повстречать новоприбывшего первого начальника Анадырской округи Леонида Францевича Гриневецкого».

Встреча отца Митрофана с начальником происходила в «самых любезных отношениях с обеих сторон». Во время их беседы Шипицын узнал, что высшие власти России в 1888 году решили образовать Анадырский округ, определили его границы, утвердили штат работников. Управление в июле 1889 года прибыло на Чукотку и приступило к работе. Они договорились, что весной 1890 года Шипицын с группой марковцев приедет в устье Анадыря для информирования о положении дел в округе. И в конце апреля 1890 года такую поездку на устье совершат священник Шипицын, староста Кулиновский и учитель Дьячков.

На этой встрече Шипицын продолжал доказывать Гриневецкому выгоду размещения окружного управления в селе Марково, и слова его достигли цели. Как и положено, первого октября 1890 года вновь начались занятия в марковской школе. Открытие нового учебного года начиналось молебствием у здания школы, украшенной зелеными ветвями стланика и гроздьями спелой, тронутой первыми морозами рябины. Народу было много. Присутствовали в парадном мундире Гриневецкий, урядник Павлов, часть казаков. Отец Митрофан был на подъеме. Это было его первое богослужение «при ясных очах администрации округа» [2]. Служба прошла хорошо. Пел небольшой церковный хор.

В конце февраля 1891 года разразился сильный буран. Намело много снега. Прекратились все работы на строительстве церкви. За неделю до такой плохой погоды Митрофан Шипицын и Осип Дьячков на двух нартах уехали в Якутск за чертежами для строительства храма и всякими церковными вещами. 11 ноября 1895 года по приглашению отца Митрофана и старосты Кулиновского были собраны жители Маркова для разбора лесов внутри церкви, обваловки ее стен снегом (как делали и в прошлые годы для сохранения тепла внутри помещения). Открытие церкви намечали на начало декабря.

Летом 1904 года в церкви отец Митрофан проводил службу о даровании воинству российскому победы над японцами. Он произнес проповедь, но, проклиная нехристией-японцев, не призывал прихожан жертвовать в помощь воюющей русской армии кто чем может. Он решил просто обойти этот вопрос — так будет спокойнее. И оказался прозорливым.

К сожалению, это все, что мы сегодня знаем об отце Митрофане и подвиге миссионерского служения его семьи. Церковь в Марково при настоятельстве отца Митрофана Шипицына сыграла выдающуюся роль в образовании и просвещении населения окрестных территорий и его консолидации.

Литература

1. Богораз В.Г. Чукчи. — Магадан: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1934.
2. Вдовин И.С. Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Документ из фондового собрания музейного центра «Наследие Чукотки» № 8432/6.
3. Жихорев Н.А. Повесть об Афанасии Дьякове. — Магадан, 1995.
4. Иванов В.В. Немного истории // Газета «Крайний Север», 6 апреля 1996.
5. Кисляков С.А. Чукотка в прошлом и настоящем. — М., 2007.
6. Назаров А.Н. Среда обитания и здоровье народов Чукотки. — М.: Типография «Новости», 2000.
7. Одинцов М.И. Материалы по истории Церкви. Крутицкое патриаршее подворье. — М., 1995.
8. Настольная книга православного миссионера: словарь по миссиологии / Отв. редактор Полетаева Т.А. — М., 2014. С. 32.
9. Евангелие от Матфея, глава 19, стих 6.
10. Соборное послание святого апостола Иакова, глава 2, стих 26.
11. Соборное послание святого апостола Иакова, глава 2, стих 18.
12. Евангелие от Матфея, глава 12, стих 34

Российская Духовная миссия в Японии и Афон

Игумен Иоанн (Рубин)

В юбилейный год 1000-летия русского присутствия на Святой горе Афон уместно обратиться к изучению связей, существовавших между Российской Духовной миссией в Японии и прославленной монашеской республикой. Равноапостольный Николай Японский, бывший весьма общительным человеком и всегда употреблявший свой талант общения на пользу миссии, уделял большое внимание развитию отношений с носителями монашеской традиции. Известно, что для укрепления Православия в Японии апостол Страны восходящего солнца желал, кроме иных церковных учреждений, основать и иноческую обитель. Однако ввиду того, что сам он не обладал опытом жизни в монастыре, а более того, ввиду недостатка времени и сил, повлиять на исход этого дела лично ему так и не удалось. И хотя православный монастырь в Японии при жизни святого так и не был основан, участие православных иноков и насельников Святой горы Афон в деле основания Японской Православной Церкви имело большое значение. Сведения об этом можно почерпнуть прежде всего в дневниках, отчетах и письмах святого.

Сам равноапостольный Николай в начале 1897 г. писал: «Пришла благая мысль. Дай, Господи, ей осуществиться! Монастырь здесь нужен. О. Сергей Страгородский писал о сем в своих письмах; я думал о том еще раньше... Если бы ныне, вследствие моей просьбы, которая пойдет с отчетами, был прислан сюда добрый иеромонах, который бы сделался моим преемником, положим, чрез десять-пятнадцать лет, то я удалился бы в горы, хотя бы в ту же Тonosава, и стал бы собирать желающих монашества, а такие нашлись бы, и образовался бы монастырь. Я в то же время имел бы возможность там продолжать переводы богослужения. Пошли, Господи, достойного делателя на ниву Твою! О нем ныне моя неотвязная дума и всегдашняя молитва! Если бы скорей он послан был, и монастырь мог бы быть, а главное было бы — Церковь»¹.

В упомянутом месте Тonosава вблизи города Одавара, в живописной местности к юго-востоку от Фудзиямы, еще в 1882 г. был приобретен участок земли усердием сподвижника равноапостольного Николая иеромонаха Владимира (Соколовского-Автономова). На средства о. Владимира и пожерт-

ования частных лиц на участке была построена и 3 августа 1883 г. освящена церковь во имя пре подобного Антония Римлянина — это была первая попытка сформировать иночество в Японии.

О связях Японской Духовной миссии со Святой горой прежде всего свидетельствует личность ближайшего сподвижника равноапостольного Николая в начальный период создания Японской Православной Церкви архимандрита Анатолия (Тихая). Важным этапом его биографии было принятие монашеского пострига в Афонском монастыре Зограф в 1863 г. Как известно, отец Анатолий подвизался на Афоне в течение 4 лет, затем вернулся на родину, завершил курс духовного образования и в 1871 г. прибыл в Страну восходящего солнца²

Такая непосредственная связь с традицией афонского монашества в лице постриженника Святой горы во многом предопределила ее дальнейшие контакты с православной Японией: например, о. Анатолий при строительстве храма в Сендае обращался за помощью к настоятелю Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря игумену Макарию (Сушкину). По его ходатайству русские благодетели прислали более тысячи долларов³, благодаря чему в 1892 г. была построена деревянная Благовещенская церковь в Сендае⁴.

Равноапостольный Николай встречался со святогорцами и близкими им людьми в ходе своего второго визита в Россию в 1879 г. Особенно глубокое впечатление на него произвело общение со знаменитым насельником Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря иеромонахом Арсением (Мининым). Их знакомство произошло 14 сентября 1879 г., незадолго до кончины последнего (17 ноября 1879 г.). Иеромонах Арсений (в миру Александр Иванович Минин) родился в 1823 г. в благочестивой купеческой семье, жившей в Казанской губернии.

После окончания уездного училища он был отправлен в Петербург к дяде для обучения бухгалтерии, служил в конторе, позже в Енисейске на золотых приисках, в Казанской губернии. Однако он стал тяготиться мирской деятельностью и после ухода младшего брата в Саровскую пустынь поступил в афонский Пантелеимонов монастырь, при этом значительную часть средств от продажи своего завода принес в дар монастырю. 6 марта 1859 г. принял постриг с именем в честь преподобного Арсения Великого, в 1861 г. рукоположен во иеродиакона и иеромонаха.

Иеромонах Арсений особенно прославился миссионерской и просветительской деятельностью в России, куда он был направлен с целью сбора пожертвований. Он объезжал русские города с афонскими святынями (частицей Животворящего Древа Господня, частью камня Гроба Господня, частицей мощей вмч. Пантелеимона, чудотворной Тихвинской иконой Божией Матери), для которых в Москве, по благословению Пантелеимонова монастыря, в

1878 г. была открыта часовня во имя великомученика Пантелеимона.

В 1872–1879 г. иеромонах Арсений публиковал статьи духовного содержания, отражавшие живой аскетический опыт Святой горы. Вернувшись на Афон, где хотел остаться, иеромонах Арсений получил благословение подыскать место на Кавказе для основания обители по образу Пантелеимонова монастыря. Так он стал основателем Ново-Афонского монастыря во имя апостола Симона Кананита близ Сухуми⁵.

В своем дневнике равноапостольный Николай тепло отзывался об иеромонахе Арсении как о добром и благожелательном человеке и по смерти его свидетельствует: «Истинно Божий угодник был»⁶. Апостол Японии весьма ценил активную просветительскую деятельность отца Арсения, которую он осуществлял, став известным духовником, проповедником, духовным писателем. Этот образ монаха, через активную общественную деятельность свидетельствующего об истине Православия, противодействующего деятельности протестантских сект, был особенно близок равноапостольному Николаю.

Он всегда хранил его в своей памяти, в особенности в часы тревожных раздумий о судьбе Японской миссии. В дневнике спустя семь лет после кончины отца Арсения, святитель пишет о нем как о живом: «Нет мучительнее сомнения — не загублена ли даром жизнь и, вдобавок, множество русских денег? Станет ли Православие в Японии? Кому работать для этого? Ведь вот один — как перст, — ни единой души русской больше в миссии. Да что здесь! И в самой России штундизм и прочие секты с ножом к горлу лезут, а миссионеров — один о<тец> Арсений Афонский на всю Россию нарасхват, — и нет помощников, учеников у него, — жалуется, бедный, и ищет, и едва ли найдет!»⁷

Равноапостольный Николай сообщает, что отец Арсений проявлял большое участие в нуждах Российской Духовной миссии в Японии. Общение с ним было важно для святого Николая еще и потому, что основным послушанием подвижника был сбор средств в пользу Свято-Пантелеимонова монастыря; с той же целью приезжал в Россию и основатель Японской Церкви. Эта важная сфера деятельности миссии в дальнейшем развивалась с учетом опыта афонских представительств в России.

Иеромонах Арсений приносил миссионеру адреса благодетелей, советовал ездить с книжкой и сразу же просить пожертвования⁸. После кончины подвижника пожертвования на нужды миссии помогали собирать его духовные чада. Одним из них был Андрей Савельевич Шустров, с которым владыка Николай встретился весной 1880 г. в Москве⁹.

Сопоставляя житие равноапостольного Николая с жизнеописанием иеромонаха Арсения, нельзя не удивиться замечательной черте сходства их

отношений к жизни. О равноапостольном Николае говорят, что за свой век он смог сделать более, чем смог бы даже самый талантливый человек. То же качество неустанной деятельности во славу Божию отмечал и биограф иеромонаха Арсения; известно его высказывание о том, что при скоротечности нашей жизни дела Божии откладывать нельзя¹⁰.

Видимо, иеромонах Арсений ввел апостола Японии в круг лиц, связанных с Русским на Афоне Свято-Пантелеимоновым монастырем. Вместе они навещали в Петербурге старшего брата игумена Макария (Сушкина) Василия Ивановича, который оказал значительное пожертвование на миссию в размере 1 тысячи рублей¹¹.

13 января 1880 г. равноапостольный Николай встречался с афонским архимандритом Феодоритом. Это был второй настоятель Андреевского скита после его основателя иеромонаха Виссариона, управлявший обителью с 1862 г. Высокими духовными качествами, заботами, попечением, трудами и молитвами отца Феодорита обитель быстро возрастала и благоустраивалась. Если при основании обители в братии было только 13 человек, то перед кончиной отца Феодорита — уже более 250. Начав с постройки кладбищенской церкви и корпуса при ней, в последующие годы отец Феодорит построил корпус, называемый Богородичным, с церковью во имя чудотворной иконы Богоматери «Утешение в скорбях и болезнях», корпус при трапезной с церковью во имя Святой Троицы, трапезную (зал на 400 человек) с кухнями и хозяйственными отделениями при ней.

Над корпусом при трапезной он воздвиг не только церковь, но и колокольню, колокола для которой пожертвовала императрица Мария Александровна. В скиту архимандрит Феодорит начал строить и собор святого апостола Андрея Первозванного, заложенный в 1866 г. Его Императорским Высочеством великим князем Алексеем Александровичем. Отец Феодорит построил величественную каменную ограду обители в виде крепости; устроил в Константинополе, Ростове-на-Дону и Одессе подворья для бесплатного приюта паломников, отправлявшихся в Иерусалим и на Афон; при подворье в Одессе выстроил большой странноприимный дом с благолепным храмом; приобрел в Санкт-Петербурге два дома, доход с которых поступал на нужды скита¹².

С этим неустанным строителем равноапостольный Николай познакомился при посредстве митрополита Исидора, который передал архимандриту от святителя икону своего небесного покровителя преподобного Исидора Пелусиота, а взамен просил направить в Японию несколько афонских икон, видимо, с изображением Пресвятой Богородицы. Позже архимандрит Феодорит передал в миссию живописные святцы и икону святителя Николая в киоте¹³. Отец Феодорит постриг (видимо, в рясофор) на Афоне келейника

равноапостольного Михайлу, который, к сожалению, позже оставил монашество и служение в миссии¹⁴.

Попыток привить монашескую традицию молодой Японской Церкви было несколько. Одна из них была связана с именем иеромонаха Павла Ницумы: в благословение его общины владыка Николай, видимо, не без умысла передал икону Афонской Божией Матери, писанную на Афоне и пожертвованную миссии еще в 1880 г. Ефремом Никифоровичем Сивохиным в Петербурге¹⁵.

Пытался открыть обитель в Японии иеромонах Георгий Чудновский. К 1883 г. между Российской Духовной миссией и Афоном установилась переписка, главной темой которой было кадровое обеспечение Японской миссии. В отчете в Священный Синод за 1884 г. равноапостольный Николай писал: «По сношении миссии с настоятелем монастыря св<ятого> великомученика Пантелеимона на Афоне архимандритом Макарием приглашен был сюда, на должность эконома и ризничего, иеромонах Георгий Чудновский, окончивший в 1861 г. курс в Черниговской Духовной семинарии и прошедший после того 4 года в Киево-Печерской лавре и все остальное время на Афоне.

В апреле минувшего года он прибыл сюда и служит согласно своему назначению, помогая в то же время преподаванию в семинарии. Но при врожденной и долготлетнепитанной склонности к иноческому уединению он горит желанием и здесь положить начало монастырскому житию. Если Господь благословит его желание дарованием средств к осуществлению, то для Церкви от его прибытия сюда произойдет несравненно больше пользы, чем сколько ожидалось»¹⁶.

Отец Георгий поселился возле церкви преподобного Антония Римлянина в Тоносава и вскоре собрал вокруг себя учеников. В игумены этой общины 16 мая 1884 г. был возведен иеромонах Владимир (Соколовский-Автономов), будущий епископ Алеутский¹⁷. Видимо, именно священноинок Георгий Чудновский как эконом миссии составил приходорасходный отчет Российской Духовной миссии в Японии за 1884 г.¹⁸ Но и эта попытка успехом не увенчалась — пребывание в Японии этого постриженника Святой горы оказалось непродолжительным: в следующем 1885 г. он возвратился на Афон; в 1886 г. по прошению был уволен от службы в миссии и отец Владимир¹⁹.

Афонские обители, имевшие иконописные мастерские, направляли в Японию образа; их прибытие всегда радовало равноапостольного Николая, о чем свидетельствуют записи в его дневнике²⁰. Некоторые святые миссия получала со Святой горы в качестве пожертвования. В отчете священному Синоду за 1894 г. равноапостольный Николай писал: «Считаю долгом донести Вашему Святейшеству, что в прошедшем году миссия получила весьма дорогие для нее и для всей Японской Церкви пожертвования от настоятеля обители Благове-

щения Пресвятыя Богородицы на Св<ятой> горе Афонской схимонаха Парфения с братиею, именно: ...кресты, мощи, камни, 4 иконы...»²¹ — здесь имеется в виду афонская Благовещенская келья вблизи Кареи, известная своим книгоиздательством и благотворительностью.

Отец Парфений (в миру Петр Константинович Гвоздев) с многочисленной братией держался самого строгого на Афоне устава. Как и во многих других афонских кельях, братия занималась иконописанием, обитель прославилась своими иконами не только в России, но и за рубежом: их можно было встретить в Берлине, Америке, Японии. Благотворительность отца Парфения была легендарной: никто из афонских бедняков не уходил от него без подарка. Благотворительность в пользу Японской миссии отражена в жизнеописании схимонаха Парфения, где говорится о полученной от святителя Николая письменной благодарности²².

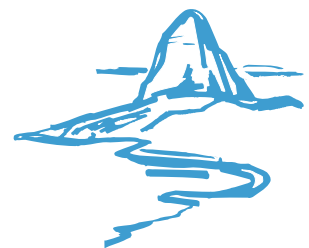
Развитие отношений со Святой горой вселяло в душу святого Николая надежду на то, что монашеская традиция укрепится и на почве Японской Церкви. С этой целью он выражал желание направить на Афон наиболее аскетически настроенных духовных чад: «В Церкви Коодзимацци в воскресенье крестился известный писатель Язаки с литературным именем Саганоя. Очень аскетически настроенный — много молится и находит в этом большое утешение; сокрушается о своих грехах, хотя особенных не имеет. Дай Бог ему! Если он долго удержится в этом настроении, то можно отправить его на Афон или в один из русских хороших монастырей, чтобы он, изучивши монашество, сделался насадителем его в своем отечестве» (1901 г.)²³

О письмах с Афона в Японию также сохранились сведения в дневниках равноапостольного Николая: некий святогорец монах Дионисий в начале 1903 г., видимо, интересовался перспективой прибытия в Японию для устройства здесь монастыря. Равноапостольный Николай написал Дионисию: «... чтобы, если благословят авторитетные афонские старцы, если средства есть на дорогу и на прожитие здесь и если желает, пусть приедет сюда частно, чтобы посмотреть, можно ли основать здесь монастырь. По его желанию, послал ему и некоторым старцам японское Евангелие и несколько других книг»²⁴. Однако эта переписка продолжалась недолго, и в том же году Дионисий отказался от своей идеи.

Приведенные факты из истории Русской Духовной миссии наглядно свидетельствуют о том, что поддержка Святой горы Афон имела особенное значение в деле созидания молодой Японской Церкви. В настоящее время попытки устройства православных монашеских общин в Стране восходящего солнца возобновляются вновь. Это вселяет надежду на то, что желание сердца апостола Японии все же осуществится.

Литература

- ¹ Дневники святого Николая Японского. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 3. С. 487.
- ² См.: Анатолий (Тихай). URL: <http://drevo-info.ru/articles/14735.html> (дата обращения 20.10.2023).
- ³ См.: Дневники святого Николая Японского. Т. 2. С. 734.
- ⁴ См.: Бесстремьянная Г.Е. Японская Православная Церковь. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2006. С. 108.
- ⁵ См.: Арсений // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 403–404.
- ⁶ Дневники святого Николая Японского. Т. 1. С. 80, 193.
- ⁷ Там же. Т. 2. С. 286.
- ⁸ См.: Там же. С. 152, 90.
- ⁹ См.: Там же. С. 248.
- ¹⁰ См.: Журнал Московской Патриархии. 1980. № 4. С. 59; Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря иеромонах Арсений. Изд. 4-е. М., 1899.
- ¹¹ См.: Дневники святого Николая Японского. Т. 1. С. 80.
- ¹² См.: Троицкий П.В. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. URL: <https://bookz.ru/authors/troitskii-pavel/book-istoriia-russkikh-obitelei-afona-v-xix-xx-veках-149832.html> (дата обращения 20.10.2023).
- ¹³ См.: Дневники святого Николая Японского. Т. 1. С. 167, 136, 224.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 136.
- ¹⁵ См.: Там же. Т. 2. С. 309.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 2262. л. 2.
- ¹⁷ См.: Владимир (Соколовский-Автономов). URL: <http://www.pravenc.ru/text/159076.html> (дата обращения 20.10.2023).
- ¹⁸ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 166. Д. 2262. л. 7–9.
- ¹⁹ См.: Там же. Д. 2277. л. 2; Владимир.
- ²⁰ См.: Дневники святого Николая Японского. Т. 3. С. 279, 240, 692.
- ²¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 3449. л. 7–7об.
- ²² Благовещенская келья Хиландарского монастыря. URL: <http://www.isihazm.ru/?id=384&iid=1896> (дата обращения 20.10.2023).
- ²³ Дневники святого Николая Японского. Т. 4. С. 528.
- ²⁴ Там же. С. 776.

Село Лаврентия — место, где встречаются океаны

Протоиерей Александр Дунязин

Если посмотреть карту мира и найти там крошечное село Лаврентия, то окажется, что оно да еще село Уэлен — самые восточные населенные пункты России и это место, где встречаются два великих океана: Северный Ледовитый и Тихий.

Чукотка — это то место, где начинается день. Это такой дальний восток, что дальше только запад. И фраза «Искать вчерашний день» для жителей Чукотки не является абсурдной или противоречивой. Потому что стоит преодолеть несколько километров, и ты попадаешь во вчера. Из четверга попадаешь в среду. Ровно на 24 часа назад.

Село Лаврентия лежит на берегу одноименного залива. В 1746 году, во время второго похода Павлуцкого, залив был впервые нанесен на карту прапорщиком Тимофеем Переваловым, выполнившим съемку побережья восточной Чукотки. А 10 августа 1778 года на берегу этого залива высадились Джеймс Кук, его помощники Кларк и семнадцатилетний Биллингс. В этот день, согласно церковному календарю, был день памяти святого мученика архидиакона Лаврентия, поэтому на карте Кука залив и получил наименование “Bay of Saint Lawrence”

(залив Святого Лаврентия). Под таким названием залив и фигурировал на всех дореволюционных отечественных и зарубежных картах.

Добраться в Лаврентия можно только авиацией, потому что дорог нет. Летом еще можно по воде навигацией, но это очень долго и непрактично. В Лаврентия меня встретила прекрасная погода. Ярко светит солнце и повсюду лежит снег, который блестит настолько ярко, что находиться на улице без солнцезащитных очков просто опасно для зрения. (Даже молодые мамы, везя своих детей в коляске, надевают им на глаза маленькие очки). Повсюду белым-бело, поэтому все строения раскрашены в яркие цвета: оранжевый, синий, зеленый, красный, чтобы глаз мог за что-то зацепиться. Дома украшены красивейшими муралами с национальными мотивами. Поселок производит впечатление очень ухоженного и приятного селения.

Храм в Лаврентия освящен в честь Архистратига Михаила и является самым восточным в России. Это приспособленное помещение, которое раньше использовалось в других целях. Но трудами предыдущих священников храм приобрел уютный и красивый

вид. Установили колокольню, красивые резные наличники. Каждая деталь была продумана и сделана с большой любовью. Прихожане встретили батюшку с радостью. Несколько месяцев не было священника. Приход хоть и небольшой, но очень дружный.

Есть и русские и коренные жители. Учителя, воспитатели школы-интерната, медицинский персонал, врачи, работники разных местных компаний. Приходили молиться на Пасху экипажи вертолетов, пограничники, санавиация. Из Петербурга с целью исследования жизни и быта населения Чукотки для написания докторской диссертации приехала молодая женщина Ксения — этнограф, кандидат наук, и она помогала читать и петь на клиросе. Кого только не встретишь на чукотской земле!

Так и начались мои будни: богослужения, участие в праздниках 9 мая, возложение цветов (искусственных) к памятнику погибших в ВОВ, встречи с людьми, мелкий ремонт храма, походы в школу.

В рамках губернаторской программы «Формирование здорового образа жизни жителей ЧАО» нужно было обойти все классы. Поговорить с детьми о нравственности и об опасности вредных привычек.

Тут в Лаврентия собрались дети со всего района. Для приезжих есть общежитие. Все очень чисто, тепло и аккуратно. Классы просторные, светлые. Полностью оборудованные современной техникой. Дети очень отзывчивые и совсем не избалованные «благами цивилизации», охотно идут на контакт, задают вопросы. Руководство школы активно идет

навстречу, понимая важность данных встреч с детьми. Также удалось посетить школу поселка Уэлен и остров Ратманова (самая восточная точка России). Каждый день открывал для меня что-то новое.

Все на Чукотке зависит от погоды. Иногда можно неделями сидеть, не имея возможности вылететь на большую землю. На материк, как тут говорят. Не то что вылететь, даже просто выйти из дома — это уже проблема. Ветра достигают скорости 30 метров в секунду, если со снегом, то видимость всего пару метров. Совершенно невозможно удержаться на ногах. Я даже выучил новое слово «пурговать» — пережидать пургу.

На побережье Берингова пролива нет ни одного дерева. Камни, мох, мелкий кустарник (а нужно сказать, что, несмотря на позднюю Пасху, снег лежал толстым, плотным покровом — где там эти кустики, и не видать их). Поэтому, когда приблизилось Вербное Воскресение, я спросил у прихожан: «Где будем брать ветки для вербы?» Прихожане ответили, что нужно ехать в тайгу искать — может, что и найдем. Положение спасли пограничники. На снегоходе наш прихожанин Максим съездил куда-то далеко, в сопки и насобирал там целое ведро веточек из кустарника. Никогда не думал, что буду радоваться обычному ведру с ветками. Так что праздник состоялся.

Вторая проблема Чукотки — это товары. А главное — продукты питания. Пока ходят корабли, местные жители и магазины активно заготавливают все

что необходимо, до того, как встанет лед. Все что портится, очень быстро заканчивается. Огурцы, помидоры просто на вес золота. Конечно же, не хватает молочной и кисломолочной продукции. (Есть в Лаврентия маленькое предприятие по изготовлению молочной продукции, но из сухого молока). Поэтому можно довольствоваться только консервацией и замороженными продуктами. Но люди живут. Уже привыкли.

Два крещения (долгожданное и несостоявшееся)

Однажды вечером в храм зашел мужчина лет 35–40. Коренной житель. Представился Григорием. «Можно ли мне креститься?» — спросил он. Поговорив с ним, я выяснил, что желание креститься у него возникло уже давно. Но в поселке Инчоун, где он живет, нет храма. И каждый раз, когда он прилетал в Лаврентия, не было священника. Так было два раза. И каждый раз перед приездом он аккуратно складывал белую рубашку. Жена спрашивает: «Зачем ты это делаешь?» «Так положено для крещения», — отвечал он. Забегая вперед, скажу, что, к сожалению, в этот раз он не взял с собой рубаху. И вот, проходя мимо храма, Григорий увидел в окнах храма свет. Зашел. Разговорились. Трудным и тернистым был его путь к Богу. Много было испытаний

в жизни, пока он не осознал, что без Бога дальше никуда. Начал интересоваться, читать литературу. Так что огласительная беседа, на мое удивление, ему была почти не нужна. На мои вопросы отвечал вдумчиво, с полным осознанием важности происходящего. Сам задавал вопросы о вере.

И вот в Лазареву Субботу состоялось крещение Григория с наречением имени в честь св. Григория Богослова. А в Вербное воскресенье он принял первое в своей жизни причастие. После богослужения все приветствовали нового члена Церкви Христовой и спели ему многая лета.

По прошествии нескольких дней повстречался мне один мужчина, тоже коренной, местный житель. Уже лет за 40–45. Был нетрезв и шатающейся походкой медленно ко мне приближался. «Хочу креститься, — неразборчиво проговорил он, — можешь меня покрестить. Я ему ответил: «Конечно. Вы слышали об Иисусе Христе? Вот видите крест на храме?» И дальше повел с ним разговор спрашивая, зачем он решил креститься? Тот отвечал: «Ты меня покрести и все. Мне нужна защита, вот, как наши духи нас защищают». Я говорю: «Нужно отказаться от духов, нужно сделать выбор». «Нет — говорит, — я как кормил духов, так и буду кормить. А вы нашу веру не победите». И дальше пошел, шатаясь, домой.

Но я твердо помнил, что буквально несколько дней назад я был свидетелем обратного. Как Христос просиял в сердце человека, как изменилась его жизнь, когда он встретил Бога. Так что победа еще впереди.

Чтобы не сложилось неправильное впечатление, нужно отметить, что подавляющее большинство местного коренного населения добродушные и неагрессивные люди. Среди них есть и учителя, и врачи, и специалисты разных профилей. Главный и важный вопрос — это вопрос трезвости. Но ведется очень серьезная работа и Церкви и местных властей в борьбе с пагубными привычками. И дай Бог, чтобы это дало свои результаты.

Три месяца миссионерской командировки пролетели как один день. Нужно возвращаться домой. Чукотка оставила неизгладимый след в моей душе. За время, проведенное здесь, я познакомился и пообщался со множеством людей. У каждого своя история и своя жизнь. Видя нелегкую жизнь людей, там быстро учишься ценить каждый день, каждую простую и небольшую вещь, которая у тебя есть здесь, потому что взять её больше нигде. Я благодарен Богу, что получил такой богатый опыт в своей жизни.

Русские Духовные миссии в Абиссинии во второй половине XIX — начале XX веков

С.В. Григорьева

Институт Духовных миссий сыграл важную роль не только в истории Русской Православной Церкви, но и в истории всего Российского государства. Миссионерская деятельность Русской Церкви началась в XIV в. с присоединения к Руси северных земель с нерусским населением и активизировалась в период образования централизованного государства, включившего в свой состав народы, исповадовавшие ислам, язычество, буддизм¹. Существовали внутренняя и внешняя миссии. Внутренняя занималась вопросами распространения православия среди народов, проживающих в пределах Российской империи, внешняя — действовала за пределами Российского государства. Святейший Правительствующий Синод выделял значительные денежные средства на деятельность миссий; в Духовных семинариях и академиях готовил кадры для этой работы, издавал миссионерскую литературу и специализированные миссионерские журналы («Православный благовестник», «Миссионерское обозрение» и др.).

Русские Духовные миссии за рубежом сыграли чрезвычайно важную роль в изучении языков, традиций, обычаев местных жителей; составлении для этих языков грамматик и словарей; знакомстве

местного населения с православной верой, русской культурой, особенностями хозяйствования и быта; сборе информации об истории и современном состоянии иностранных государств. На начальном этапе, в частности, Русская Духовная миссия в Пекине выполняла функции дипломатического представительства, осуществляла перевод и переписку делопроизводственной документации между ведомствами двух стран.

Таким образом, внешние Духовные миссии работали в четырех направлениях:

- духовном, обслуживая религиозные потребности русских людей за рубежом;
- дипломатическом, зарабатывая симпатии местных жителей и доверие местных элит, налаживая контакты;
- научно-исследовательском, собирая разноплановые сведения о сопредельных государствах;
- миссионерском, распространяя слово Божие среди иноверцев.

Поэтому неслучайно данный институт можно назвать важным инструментом «мягкой силы» в деле знакомства зарубежной общественности с Русским миром, достижениями российской культуры и цивилизации.

Конфессиональный аспект был важной составляющей внешней политики Российской империи. По мнению И.Ю. Смирновой, в Российском государстве синодального периода «не было и не могло быть собственно церковной, то есть независимой от государства внешней политики». Россия как «духовная преемница Византии» вместе с православием как государственной религией «заимствовала и ответственность за охрану и защиту всего “православного мира”»². Поэтому Святейший Правительствующий Синод как часть государственного аппарата, осуществляя деятельность за пределами Российского государства, делил свои полномочия с Министерством иностранных дел. Эти государственные структуры взаимодействовали в деле защиты интересов русских подданных за пределами Российской империи, занимались вопросами расширения российского присутствия в различных регионах мира, «обеспечивали взаимодействие дипломатических ведомств (посольств, консульств и пр.) и церковных учреждений (посольских церквей, Духовных миссий)»³.

В условиях обострения межимпериалистических и колониальных противоречий великих держав, имевших место особенно со второй половины XIX в., необходимость межведомственного сотрудничества становится все более очевидной, поскольку в орбиту межгосударственной конкуренции включаются не только политическая и экономическая, но и миссионерская и культурная сферы. Открытие в 1841 г. в Иерусалиме Англо-прусской епископии, активизация деятельности Американской епископальной церкви на Ближнем и Дальнем Востоке, оживление в Афразиазиатском регионе римско-католических миссионеров, носившее антиправославный и прозелитический характер, свидетельствовали о новом витке борьбы за «духовное порабощение Востока».

В этих условиях Российская империя была вынуждена реагировать: в дополнение к существующим в северной Америке (с 1799 г.) и в Китае (с 1715 г.) Духовным миссиям в 1847 г. была учреждена Русская Духовная миссия в Иерусалиме, в 1870 г. — в Японии, в 1897 г. — в Корее и в 1898 г. — в Урмии, предпринимались попытки основания миссии и на Африканском континенте. Создание новых миссий в большинстве своем вызывало озабоченность и тревогу правящих кругов европейских держав, рассматривалось ими как факт усиления российского присутствия в регионах и важный успех российской дипломатии. Их опасения не были лишены оснований, поскольку члены Русских Духовных миссий нередко брали на себя выполнение дипломатических функций, налаживали контакты с представителями правящей элиты, религиозных общин, были проводниками российской политики в регионах, входивших в зону геополитических интересов Российского государства.

История отдельных миссий достаточно хорошо изучена в отечественной исторической науке⁴. Однако практически отсутствуют специальные исследования, посвященные анализу попыток орга-

низации Духовной миссии в Абиссинии, которая включается в орбиту российских интересов во второй половине XIX в. В связи с этим целью статьи является рассмотрение таковых, их результатов и выявление причин их неудачного завершения.

Идея создания Русской Духовной миссии на Африканском континенте принадлежит первому руководителю Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1847–1853) архимандриту Порфирию (в миру — Константину Александровичу Успенскому), который изложил доводы и аргументы в пользу религиозного и политического сближения России и Эфиопии⁵.

Профессор богословия, церковной истории и церковного права, имеющий богатый опыт преподавательской, исследовательской и организационной деятельности, Порфирий в 1842 г. по решению Святейшего Синода был направлен в Иерусалим для ознакомления с жизнью христиан в Палестине и Сирии. Другой важной его задачей стало изучение возможностей для решения вопроса об учреждении на Святой земле российского церковного представительства. Вопрос этот возник еще в начале XIX столетия и оставался актуальным на протяжении полувека. Паломники из России в Иерусалиме испытывали многочисленные трудности, были лишены политического покровительства, возможности молиться на родном языке, нормального бытового обслуживания. Во многом благодаря архимандриту Порфирию в 1847 г. эта проблема была решена путем организации на Святой земле Русской Духовной миссии, которую он и возглавил⁶.

Верный идее «Москва — третий Рим», будучи в Иерусалиме, он активно изучал догматику и религиозные практики коптов, армян, сирийцев, грузин и представителей других христианских конфессий; налаживал с ними связи; оказывал всевозможную помощь и поддержку. Находясь на посту главы Русской Духовной миссии, он совершил путешествия на Афон, Синай, в Александрию и Каир, посетил коптские монастыри. В это время он, по мнению А.В. Хренкова, старался «побольше узнать об Эфиопии, о ее государственном и церковном устройстве, знакомился с эфиопскими богослужебными книгами и вступил в непосредственный контакт с монахами эфиопской иерусалимской обители. Наблюдая эфиопскую литургию, расспрашивая монахов о символе веры и культе местных святых, он черпал <...> сведения о государственном устройстве этой страны, бытовой и культово-религиозной жизни ее населения. Дополнительные сведения об Эфиопии он получил из бесед с англиканским епископом Гоба, проведшим около трех лет во главе англиканской миссии в Эфиопии»⁷. По всей видимости, именно тогда к нему пришло осознание реальной возможности сближения Эфиопской церкви с православием. Для зондирования ситуации на месте в 1851 г. он планировал «лично отправиться в Эфиопию с иеромонахом Синайской обители греком Иосифом, но Святейший Синод не разрешил ему эту поездку»⁸. Впоследствии Порфирий пред-

ложил установить непосредственные связи с Эфиопской империей напрямую, без посредничества коптов.

Русская Духовная миссия в Иерусалиме, демонстрируя хороший тандем Министерства иностранных дел (подчинялась МИД, существовала на его средства) и Святейшего Синода, выполняла не только религиозные, но и политико-дипломатические функции, получая инструкции непосредственно от Азиатского департамента МИД. Поэтому Порфирия интересовало не только религиозное сотрудничество с государствами региона, но и вопросы политические: он понимал все возможные выгоды российского присутствия на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Африке, российско-эфиопского взаимодействия, о чем свидетельствуют его статьи, опубликованные по прибытии в Россию в «Трудах Киевской Духовной академии»⁹, а также проекты, с которыми он обращался в Святейший Правительствующий Синод и другие инстанции.

В частности, данной проблематике посвящен его проект «Участие России в судьбе Абиссинии». Этот документ содержит анализ конкретных шагов по установлению русско-эфиопских связей. С ним Порфирий обратился в высшую церковную инстанцию. Подчеркивая «близость эфиопской веры с православием», «схожесть духовной и политической культуры двух стран», их истории, многонациональность и поликонфессиональность, Порфирий настаивал на развитии тесного двустороннего сотрудничества и взаимодействия, полагая, что «Эфиопия — здоровое зерно христианства в Африке»¹⁰, откуда оно могло бы быть распространено впоследствии вглубь Черного континента.

В связи с этим главными задачами России в Эфиопии на данном этапе Порфирий считал изучение всех сторон и проявлений эфиопской национальной жизни, подготовку благоприятной почвы для ее политического и церковного сближения с Россией, воспитание и поощрение в эфиопском клире идей христианского миссионерства по отношению к соседним языческим племенам и народам. Для решения поставленных задач он предлагал послать в Эфиопию ознакомительную, научно-исследовательскую по своему характеру экспедицию или Духовную миссию, чтобы установить непосредственные контакты с эфиопской правящей элитой, завоевать ее благосклонность и симпатии путем оказания Эфиопской империи моральной, дипломатической и прочей помощи, пригласить эфиопских священников в Россию для более детального знакомства с особенностями российского православия.

Порфирий (Успенский) отлично понимал все сложности, в которых Российская империя может столкнуться при продвижении своей африканской политики: усилившееся межимпериалистическое соперничество в регионе, активизацию римско-католического духовенства в Северо-Восточной Африке, серьезные обрядовые и вероучительные расхождения Православной и Коптской церковью. Однако он был уверен, что поскольку Российская империя

никогда не преследовала в Африке колониальных интересов, у нее есть явное преимущество перед другими западными державами, с точки зрения доверия и уважения со стороны эфиопской элиты. Как сильная европейская держава и покровительница восточного христианства она могла бы поддержать начавшуюся процесс объединения Эфиопскую империю в ее борьбе за сохранение независимости и суверенитета. К тому же эфиопский негус Теодрос II (1855–1869) стремился к автокефалии Абиссинской церкви от Коптского патриархата в Каире и благоволил к великой православной державе. Сближению могли способствовать и тесные контакты членов Русской Духовной миссии с эфиопской общиной в Иерусалиме: проявив внимание и заботу к абиссинцам в Вечном городе, русские заронили в их сердца зерна пиетета и благодарности к России, о чем не могли не знать правящие светские и духовные власти Эфиопской империи.

Однако начавшаяся в 1853 г. Крымская война не позволила реализовать предложенные Порфирием шаги к сближению двух стран. Обострилось положение и в самой Абиссинии: Теодрос II, стремясь сосредоточить в одних руках бразды правления и ресурсы, начал, по сути, секуляризацию церковных земель и подчинение эфиопского духовенства светской власти, что вызвало массовое недовольство и обострило отношения светских и церковных феодалов. Неудачной оказалась и внешняя политика негуса: направленная на укрепление самостоятельности и независимости страны, она привела к открытому англо-эфиопскому конфликту 1867–1868 гг.

Но идеи Порфирия (Успенского) легли на благодатную почву: они положили начало дискуссии о возможностях объединения Русской и Эфиопской церковью среди российской политической и церковной элиты¹¹, определенная часть которой считала вполне реальным подчинение эфиопских монофизитов Русской Православной Церкви. Многие последующие русские экспедиции в Абиссинию включали в свой состав священнослужителей и наряду с политическими имели цели установления тесных религиозных контактов.

Церковь играла важную роль в политической жизни Эфиопского государства. Ее отношения с материнской Коптской церковью на протяжении истории были сложными. С одной стороны, Коптский патриархат традиционно поддерживал свою дочернюю церковь, оказывал ей необходимую помощь и поддержку, обладал исключительным правом назначать в Абиссинию высших церковных иерархов. А с другой, духовное общение с материнской церковью оборачивалось для эфиопов серьезными сложностями и проблемами. В частности, в случае смерти главы Эфиопской церкви египетские светские власти требовали от абиссинцев высокую «мзду». А.К. Булатович, посетивший Эфиопию во второй половине 1890 гг., указывал, что за каждого епископа негус Йоханнис IV (1872–1889) заплатил Александрийской церкви по 10 тысяч талеров, «отношения епископов между собой были натянуты <...>

они открыто не сходились друг с другом по многим вопросам <...> их отношения с местным духовенством были непростыми, абиссинцы называли их «наемниками»¹². В этих условиях Российская империя и Святейший Синод вполне могли рассчитывать на сближение и религиозное сотрудничество с эфиопскими светскими властями и духовенством.

При этом возможным считалось взаимодействие на всех уровнях: и через посредничество коптов, и напрямую с эфиопами. Свидетельством этого является деятельность вольного казака Николая Ивановича Ашинова (1856–1902), который вслед за архимандритом Порфирием активно продвигал эфиопский проект в 1880 г. Сначала он установил непосредственные контакты с представителями Эфиопской церкви на Святой земле и в 1888 г., к празднованию 900-летия Крещения Руси, организовал приезд в Россию абиссинского иеромонаха Григория¹³.

Параллельно Николай Иванович искал поддержки у Александрийского Коптского патриарха. Российский исследователь А.В. Хренков полагает, что определенная часть коптского духовенства, с которой активно сотрудничал еще в 1840–1850 гг. архимандрит Порфирий, «сочувственно относилась к возможности церковного союза» с русским православием, но определяющим мотивом подобного шага были, по его мнению, «соображения политической и материальной стабильности, которая подвергалась постоянной угрозе в условиях мусульманского владычества и при сравнительно небольшом числе приверженцев Коптской церкви в самом Египте»¹⁴. Копты полагали, что в нужный момент Россия сможет их защитить. Эта уверенность усилилась после того, как Российская империя продемонстрировала свою готовность защищать христианские народы с оружием в руках в войне с Османской империей 1877–1878 гг.

В 2021 г. в «Вестнике Екатеринбургской Духовной семинарии» было напечатано письмо Н.И. Ашинова Александрийскому Коптскому патриарху Кириллу V (1874–1928), хранящееся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, с просьбой о помощи и поддержке предстоящей в Абиссинию экспедиции¹⁵. Научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН Е.В. Гусарова, опубликовавшая это письмо, полагает, что Николай Иванович «не без помощи русских дипломатов» «хорошо ориентировался в политической ситуации» на Африканском Роге, знал, что «патриарх Кирилл находится в отличных отношениях с эфиопским негусом Йоханнисом IV и с российским императором Александром III», поэтому мог рассчитывать на его поддержку в деле организации экспедиции. Он полагал, что Коптский патриарх может «снабдить его рекомендательным письмом, представить влиятельным людям, посодействовать Духовной миссии братской Русской Православной Церкви»¹⁶. Опираясь на косвенные данные, исследовательница высказывает предположение о том, что патриарх и Николай Иванович были реально зна-

комы, хоть и заочно, и состояли в переписке. Это, в свою очередь, могло навести Н.И. Ашинова «на мысль о возможности организации Русской Духовной миссии в Абиссинию и ее использования в качестве инструмента для достижения политических (и экономических) целей»¹⁷. Однако в действительности заручиться поддержкой Коптского иерарха не получилось. Опубликованное письмо не дошло до адресата и осело в дипломатическом ведомстве Российской империи. По всей видимости, российские дипломаты, работая на перспективу и понимая возможность будущего осложнения отношений Александрийской материнской Коптской церкви с эфиопами из-за появления там представителей Русской Православной Церкви — хоть и братской, но конкурирующей организации, — решили на корню прекратить связи Ашинова с коптским руководством.

Тем не менее Ашинов не отказался от задуманных планов и в 1888–1889 гг. организовал полугосударственную экспедицию на Красноморское побережье Африки. Эта экспедиция в период разгара борьбы европейских держав за континент имела целью основание в Таджурском заливе вблизи Эфиопии русской колонии Новая Москва. Россия тогда очень нуждалась в ремонтной базе или угольной стоянке для заправки своих кораблей, следующих на Дальний восток через Суэц. Чтобы замаскировать истинные задачи отряда, насчитывавшего около 200 человек, ему был придан характер Духовной миссии, направляемой в Эфиопскую империю для установления церковных контактов со страной «черных христиан». Религиозный характер командировки, в отличие от хорошо вооруженной экспедиции, имеющей в своем распоряжении даже митральезу (скорострельное многоствольное артиллерийское орудие, по сути пулемет), должен был свидетельствовать о мирном характере предполагаемого поселения¹⁸. К тому же Николай Иванович не отказывался в дальнейшем от установления более тесных, в том числе и церковных, контактов с христианской Эфиопией.

Главой Русской Духовной миссии в Абиссинии стал монах, управляющий Пантелеймоновского подворья в Константинополе, отец Паисий, в миру Василий Филиппович Балабанов (1832–1912). Сведения об этом человеке весьма противоречивы. Архивные документы свидетельствуют о его нелицеприятном прошлом: он некогда принадлежал к религиозной секте скопцов, за что был осужден на ссылку в Сибирь на поселение¹⁹; был малограмотным человеком — «еле разбирал печать, а писать совсем не умел», свидетельствовали современники; существенной роли в самой экспедиции не играл, выполняя чисто религиозные функции. Несмотря на то что он долгое время прожил на Афоне и в Константинополе, где в основном руководил строительными работами, он мало подходил на роль руководителя миссии, которыми обычно назначались образованные люди, хорошо знающие богословскую литературу и иностранные языки. До конца непонятно, почему выбор пал имен-

но на этого человека. Вероятно, решающую роль в этом сыграли личные связи, которые подтверждают изложенное нами выше утверждение о тесном взаимодействии Святейшего Правительствующего Синода с Министерством иностранных дел. Имеются некоторые факты, указывающие на личное знакомство отца Паисия с Н.И. Ашиновым²⁰ и на связь этого монаха с Азиатским департаментом МИД. В частности, на территории Афонского подворья проходили встречи представителей МИД с Ашиновым²¹; русский посол в Константинополе (1883–1897) Александр Иванович Нелидов поручил Ашинову передавать сведения о поездке в Эфиопию через отца Паисия²².

Занимающийся исследованием биографии отца Паисия архимандрит Тихон (Затёкин) изображает его очень положительным персонажем. Подтверждая факты его безграмотности (родился в семье казаков, которые не могли дать ему образования) и сектантства («был совращен в шалопутскую секту»), автор отмечает его большой боевой опыт (вступил в Оренбургское казачье войско и участвовал в походах в Среднюю Азию с 1840 по 1862 г.), лидерские качества (благодаря своей природной смекалке в секте приобрел авторитет и стал ее руководителем), природный ум, сметливость и строительный талант (руководил постройкой Свято-Пантелеймоновского подворья в Константинополе, оказывал помощь паломникам на Святой земле, «ежегодно тысяч до 4–6 пропускал через свои отеческие руки»), мужество и патриотизм (не покинул Стамбул даже в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., остался на своем посту, твердо и бестрепетно исповедовал русское имя)²³.

Таким образом, данные исследователя во многом противоречат архивным материалам. Не имея возможности проверить все имеющиеся в работе архимандрита Тихона факты, хочу подчеркнуть, что основным источником информации для него послужила статья о Паисии, опубликованная в 1888 г. в «Русском паломнике»²⁴. Эта статья, написанная в разгар подготовки экспедиции Н.И. Ашинова, имела целью обосновать несомненную пользу и необходимость для России затеянного Николаем Ивановичем предприятия, отсюда ее пафосность и идеализация Паисия. В ней, в частности, утверждается, что «несмотря на свои преклонные уже годы и немощи телесные», отец Паисий «самоотверженно взял на себя тяжелый и ответственный пост строителя и начинателя миссии», «возгорелся снова как юноша сердцем и душою, готовый всецело отдаться новому великому и святому делу», «выпустил воззвание с просьбою жертвовать средства на постройку храма во имя Крестителя Господня Иоанна», чтобы Россия могла «пособить своей младшей сестре» (т. е. Абиссинии. — С.Г.), находящейся от нее в тысячах верст, но «обращающей к ней свои взоры», «полные благодати», которой осенит ее Русская Православная Церковь. Несомненно, что автор статьи и редакция журнала «Русский паломник», выходившего в Санкт-Петербурге в 1885–1917

гг., подобной риторикой стремились получить поддержку элит, общественного мнения в деле создания Русской Духовной миссии в Африке, собрать пожертвования и завоевать симпатии русских людей, что было вряд ли возможно, если бы во главе миссии стояли не вполне компетентные люди. Поэтому говорить об объективности и достоверности представленной в данном историческом источнике информации вряд ли возможно.

О том, что Паисий был не вполне подходящей кандидатурой на должность руководителя Духовной миссии, говорят следующие факты. Во-первых, спешка в подготовке миссии и головокружительная карьера отца Паисия. По всей вероятности, у Святейшего Синода и церковных властей не было времени для поиска более достойного человека. Отца Паисия, скорее всего, предложил сам Николай Иванович, для которого личность монаха была наиболее приемлемой, поскольку его необразованность и неопытность в миссионерских делах делали его зависимым от Ашинова, исключали всякую самостоятельность и инициативность в деле руководства предприятием. К тому же Паисий имел боевой опыт, что было важно в случае столкновения с местными племенами или европейскими конкурентами, и строительные навыки, необходимые для постройки будущей колонии. Поэтому данная кандидатура была рассмотрена и одобрена церковными иерархами. В 1888 г. Паисий переехал из Константинополя в Санкт-Петербург, там он был принят в братство Александро-Невской Лавры. Стараниями управляющего Канцелярией Святейшего Правительствующего Синода В.К. Саблера и митрополита Новгородского, Петербургского и Финляндского Исидора (Никольского) Паисий 6 августа 1888 г. был произведен в иеродиаконы, 7 августа — в иеромонахи, а 13 августа — в сан архимандрита и поставлен во главе Духовной миссии в Эфиопию²⁵.

Такой карьерный взлет был вряд ли возможен без участия главы высшего органа, ведавшего делами Церкви, — обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, хотя прямых доказательств этому нет. В нашем распоряжении имеется немало фактов, подтверждающих симпатии обер-прокурора к Ашинову и его делу. Однако во всех бумагах, касающихся произведения отца Паисия в сан архимандрита и связанных с Духовной миссией в Эфиопию, фигурирует только имя В.К. Саблера и митрополита Исидора. По всей вероятности, Победоносцев, согласившись со столь сомнительной кандидатурой, как отец Паисий, проявил крайнюю осторожность: отсутствует его подпись в соответствующих документах. Но остается бесспорным, что обер-прокурор тщательно следил за всем, что касалось деятельности Ашинова и отца Паисия, о чем ярко свидетельствует собранная его сотрудниками подробнейшая информация (вплоть до отечественных и иностранных газетных статей) о продвижении Духовной миссии, хранящаяся в секретном отделе Канцелярии Святейшего Пра-

вительствующего Синода²⁶. Эту же мысль подтверждает письмо Ашинова к К.П. Победоносцеву, в котором он приносит искреннюю благодарность обер-прокурору за то, что он «помог нашему русскому делу <...> и что через него то и будет слияние и сближение двух Единоверных церквей, а с ними и народов <...> что он один из сановников понял сее дело...»²⁷

Во-вторых, личность отца Паисия характеризует его поступки во время нахождения в Африке. Духовная миссия, предназначенная для путешествия в Абиссинию, насчитывала около 40 человек, имела все необходимое для будущего храма и совершения богослужений: иконы, церковную утварь и одеяния, православные книги. Миссию сопровождал и охранял отряд казаков под командованием Ашинова. Экспедиции Ашинова посвящено достаточно много исследований²⁸. Подробная информация об этой миссии, допросы ее членов и решения по каждому сохранились в специальном деле, указывающем на причастность государственной машины к этой «авантюре»²⁹. К большому сожалению, закончилась она печально. Основанная русскими на побережье Красного моря станица Новая Москва была обстреляна французскими кораблями, поскольку, как оказалось, находилась на территории Французской Республики. Русские колонисты, уверенные в правоте своего дела и поддержке со стороны российского правительства, категорически отказались признать французский протекторат и спустить поднятый над Новой Москвой российский флаг, что и стало причиной вооруженного конфликта. Своих задач не выполнила и Духовная миссия. Ее формальный руководитель отец Паисий оказался неспособным ни договориться с французами, ни отговорить Ашинова от сопротивления властям Обока, ни остановить кровопролитие, что еще раз доказывает истинные цели и намерения ашиновцев и показывает роль отца Паисия в событиях. Увы, ни организаторские, ни дипломатические, ни лидерские качества он в данной ситуации не продемонстрировал. Хотя подлинно известно, что французские власти, заинтересованные в сближении с Российской империей, не препятствовали продвижению Духовной миссии в Абиссинию. «Французы объявили архимандриту Паисию, что берут всю Духовную миссию на борт своих кораблей и отвезут русских в Джибути, откуда начиналась прямая сухопутная дорога в Абиссинию. Они клятвенно пообещали, что помогут с организацией каравана для отправки миссии и даже оплатят все расходы, связанные с этим. Единственное требование, которое выдвинули французы, заключалось в полной сдаче всего оружия»³⁰. Отец Паисий оказался перед дилеммой — разделить участь всех участников экспедиции и возвратиться на родину или во главе Духовной миссии отправиться в Эфиопию. Он выбрал первое, продемонстрировав свою неспособность принимать собственные решения и брать на себя полную ответственность за судьбу Русской Духовной миссии.

Некомпетентность, слабохарактерность отца Паисия, неготовность идти до конца в реализации поставленных перед ним Святейшим Правительствующим Синодом и Министерством иностранных дел задач нашли отражение в оценке миссии, данной ей императором Александром III (1881–1894). В телеграмме сразу после провала Ашиновского предприятия император написал: «Мне кажется, что и Духовная миссия Паисия так плохо составлена и из таких личностей, что нежелательно его слишком поддерживать; он только компрометирует нас, и стыдно будет нам за его деятельность»³¹. А на отчете о следствии по делу Н.И. Ашинова заметил: «Глупейшая экспедиция и жалкая смехотворная Духовная миссия с неграмотным мужиком Паисием во главе!»³²

После возвращения в Россию и многочисленных допросов отец Паисий был отправлен монахом в Свято-Успенскую Саровскую пустынь Тамбовской епархии. Позднее судьба забросила его далеко от Центральной России — в Грузию, где он стал настоятелем Сафарского Саввинского монастыря. В 1906 г. указом Святейшего Синода он был перемещен на покой в нижегородский Вознесенский Печерский монастырь. Вторая попытка организации Русской Духовной миссии в Абиссинии провалилась.

Третья попытка основать Русскую Духовную миссию в Абиссинии связана с именем иеромонаха Ефрема (в миру Михаила Михайловича Цветаева). Он принадлежал к дворянскому роду, получил хорошее образование (окончил медицинский факультет Московского университета со степенью лекаря и званием уездного врача и Московскую Духовную академию), в 1890 г. принял постриг с именем Ефрем и был причислен к московскому Донскому монастырю. Более подробно его биография изложена в работе В.И. Ульяновского «Эфиопская грамота архимандрита Ефрема и ее контексты»³³. В 1894 г. доктором А.В. Елисеевым ему было предложено войти в состав экспедиции в Абиссинию, на что он согласился в силу ряда причин. Во-первых, он был совершенно свободен, оставив службу при Патриаршей ризнице для перехода на службу во флот. Во-вторых, его интересовала религиозная жизнь Абиссинии, о которой имелось много различных слухов, поэтому составить о ней собственное представление и рассказать о ней в России виделось важной задачей. В-третьих, по мнению архимандрита, собралась достойная компания из образованных людей, имеющих богатый опыт путешествий³⁴: врач и путешественник А.В. Елисеев и поручик запаса, есаул Уманского полка Кубанского казачьего войска Н.С. Леонтьев. Первый в 1880 гг. посетил Египет, Ливию, Тунис, Алжир, Палестину, Сирию; странствовал по Малой Азии, где по поручению Императорского православного Палестинского общества исследовал Святую землю; в 1893 г. побывал в охваченном махдистским восстанием Судане. Н.С. Леонтьев был действительным членом

Императорского русского географического общества, человеком образованным, жаждущим славы и открытий.

Идея участия Ефрема в экспедиции была одобрена прокурором Московской синодальной конторы кн. А.А. Ширинским-Шихматовым, который предоставил ему «годовой отпуск и все нужное для поездки»³⁵. По сути, эта экспедиция ставила перед собой цели, сформулированные когда-то архимандритом Порфирием — изучение политического, религиозного, военного состояния Абиссинии и создание условий для российско-эфиопского сближения.

Научные задачи и частный характер экспедиции были скорее прикрытием, поскольку путь до Эфиопской империи проходил через колониальные владения европейских стран, что было чревато обострением их отношений с Россией. На то, что миссия была не совсем частной, указывают следующие факты: деятельность членов миссии (особенно Н.С. Леонтьева и отца Ефрема) была направлена скорее на налаживание контактов с местной элитой, нежели на научные изыскания. Экспедицию одобрили и поддержали Святейший Правительствующий Синод и митрополит Палладий (Раев), который благословил епископа Одесского и Херсонского Иустина выдать антиминос, дарохранительницу, напрестольный крест, Евангелие и все необходимое для походной церкви святителя Николая, а духовенство Казанского собора передало сосуды, кресты, облачения и Евангелия для абиссинцев³⁶. Как говорилось выше, Святейший Синод действовал в тесном взаимодействии с внешнеполитическими структурами Российской империи, поэтому всяческую помощь и содействие миссия Елисеева получила со стороны официальных представительств России за рубежом. В частности, архимандрит Ефрем описывает прием путешественников российским послом в Константинополе А.И. Нелидовым³⁷.

В отличие от предшествующих попыток, эта увенчалась успехом: члены миссии достигли Абиссинии, были приняты при дворе эфиопского негуса Менелика II (1889–1912) как официальные представители Российской империи, хоть и не имели таковых полномочий и рекомендательных писем. Архимандрит Ефрем тщательно изучил эфиопскую церковную символику и атрибутику, систему богослужения, обратил внимание на значимость эфиопского священства в государстве и его высочайший авторитет среди народа. Ему удалось посетить многие абиссинские храмы и даже поучаствовать в богослужениях, в частности в выносе Пещаницы в Великую Пятницу. Поскольку миссия имела разведывательные цели, Ефрем в своих воспоминаниях подробно описал полезные ископаемые и ресурсы Абиссинии, которые могли бы заинтересовать россиян: разнообразные металлы, включая золото, обилие мака, из которого делают «прекрасный опиум», каучука, привел демографические данные (10 млн населения) с описанием внешности, выносливости, воинственности и прочих черт абиссинцев³⁸.

Несмотря на то что сами участники этой экспедиции по-разному оценивают свою роль в ней и ее результаты (доктор Елисеев акцентировал внимание на ее научном характере; Леонтьев, выдавая себя чуть ли не за руководителя российского посольства, главным считал завоевание доверия эфиопской элиты и установление взаимовыгодных отношений; архимандрит Ефрем как глава Духовной миссии закрывал глаза на разительный контраст абиссинского монофизитства с православием, понимая, что религиозные связи могут сослужить хорошую службу в деле завязывания двусторонних контактов), миссия 1894–1895 гг. имела положительные итоги для обеих стран. Она ознаменовала начало непрерывных контактов России и Эфиопии. Вместе с экспедицией негус Менелик II направил в Российскую империю делегацию, которая свидетельствовала о желании эфиопской стороны завязать более прочные межгосударственные связи с единоверной державой. Это посольство, которое включало в свой состав и священнослужителя (архимандрита Габбро Экзиагвера), было принято многими влиятельными особами и представителями российской правящей элиты, в частности генерал-губернатором вел. кн. Сергеем Александровичем³⁹, митрополитом Палладием и обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода К.П. Победоносцевым⁴⁰, вдовствующей императрицей Марией Феодоровной и самим императором Николаем II на царском приеме 30 июня 1895 г.⁴¹

Деятельность самого Ефрема по налаживанию двусторонних контактов была высоко оценена эфиопскими властями, которые наградили «нашего друга, посланного из государства Московского, отца Ефрема Орденом почета II степени с правом носить его на шее», что подтверждает опубликованная В.И. Ульяновским эфиопская грамота архимандрита Ефрема из собрания музея «Ростовский кремль»⁴². Сам исследователь полагает, что «во всем этом калейдоскопе событий архимандрит Ефрем, вне сомнения, может считаться реальным первым священнослужителем Русской Православной Церкви, побывавшим в столице Эфиопии, принимавшим участие в священнодействиях Эфиопской церкви и бывшего в контактах с представителями высшей светской и духовной власти страны»⁴³.

Успех экспедиции 1894–1895 гг. породил надежды на продолжение церковных контактов: митрополит Палладий сказал на приеме, что обдумывает открытие постоянно действующей Русской Духовной миссии в Абиссинии и хочет назначить Ефрема ее начальником, возведя его в сан епископа, что очень обрадовало абиссинцев⁴⁴. Тут же митрополит наградил Ефрема иконой Богородицы, поблагодарив за «полный успех» экспедиции.

Но эти планы по ряду причин не были претворены в жизнь. Во-первых, прибытие представителей Русской Православной Церкви в Абиссинию вызвало панику среди коптов, видевших в ней проявление «церковного прозелитизма». Российские власти

не хотели обострения отношений с дружественным Александрийским патриархатом. Во-вторых, российская дипломатия понимала, что стремление Менелика II к церковному единению в условиях обострения межимпериалистической борьбы за Северо-Восточную Африку имеет не религиозный, а политический подтекст⁴⁵. В-третьих, начавшаяся первая Итало-абиссинская война 1895–1896 г. заставила Россию действовать в Африке более осторожно и осмотрительно и отказаться на время от идеи открытия Духовной миссии в Абиссинии. В-четвертых, в 1898 г. были установлены официальные русско-эфиопские отношения, заработала Российская чрезвычайная дипломатическая миссия в Аддис-Абебе, которая взяла на себя все вопросы двустороннего сотрудничества.

На начало XX в. приходится четвертая попытка основать Русскую Духовную миссию в Африке. Ее инициатором стал иеромонах Антоний (в миру Александр Ксаверьевич Булатович). Еще до пострига он несколько раз побывал в Абиссинии: сначала сопровождая санитарный отряд Российской Красного Креста; затем в 1897–1900 г. в составе Российской чрезвычайной дипломатической миссии в Аддис-Абебе. А.К. Булатович вписал свое имя в историю как исследователь Черного континента, первым из европейцев посетивший и описавший неизвестную науке область Каффу; как популяризатор Эфиопии и автор ряда книг об этой стране⁴⁶; как лихой кавалерист, неутомимый и бесстрашный воин, разведчик, доверенное лицо эфиопского негуса Менелика II (1889–1912). Его мирская жизнь была яркой и запоминающейся: он верой и правдой служил родине, принимал участие в подавлении восстания ихэтуаней в Китае, в Русско-японской войне 1904–1905 гг.⁴⁷

Получив отставку в 1906 г., под влиянием Иоанна Кронштадтского и по его благословению 8 марта 1907 г. на Афоне он принял схиму с именем Антоний. В научной литературе до сих пор дискутируется вопрос о том, что заставило этого лихого вояку столь кардинально поменять свою жизнь. Называются разные причины: безответная любовь к дочери командира полка Васильчикова; нервное расстройство, вызванное жесточайшим подавлением боксерского восстания в Китае; влияние Иоанна Кронштадтского⁴⁸; разногласия с военным начальством, которое обвинило Александра Ксаверьевича в бессмысленной гибели солдат его подразделения в одном из боев⁴⁹.

До 1911 г. он вел замкнутый образ жизни, работал над переводами церковных книг, занимался составлением летописи Андреевского скита, был рукоположен в иеромонахи⁵⁰. Однако долго находиться вдали от мирских дел ему было нелегко. Как утверждает в своей статье украинский историк, директор Международного института Афонского наследия С.В. Шумило, жизнь на Афоне «не очень удовлетворяла эмоциональный характер бывшего лихого гусара»⁵¹, привыкшего быть в гуще мирских

событий, пристрастившегося к подвигам и приключениям. Поэтому ему в голову пришла идея основать специальный монастырь для таких же, как он, отставных военных. Именно желание осуществить ее на практике заставило Булатовича, по мнению ученого, отправиться в Абиссинию, подальше от жестких порядков Андреевского скита, под влиянием накопленного духовного опыта и с надеждой на помощь и поддержку эфиопских властей.

В исследовательской литературе указываются разные предлоги поездки Булатовича в Эфиопию. Шумило, ссылаясь на отчет поверенного в делах Российской империи в Аддис-Абебе С. Чемерзина от 15 декабря 1911 г., утверждает, что он якобы поехал причастить и навестить своего крестника и воспитанника Ваську, которого ранее привозил для обучения в Россию (1898–1907)⁵². Г.В. Ижицкий полагает, что наряду с этой причиной, узнав из газет о тяжелой болезни негуса Менелика и его возможной скорой кончине, иеромонах Антоний решил отправиться в Аддис-Абебу, чтобы помочь своему бывшему покровителю исцелиться⁵³. Он привез с собой с Афона несколько чудотворных икон, освященное масло и святую воду.

Рассчитывая на свое личное знакомство с эфиопским негусом, Антоний планировал получить от последнего разрешение на создание в Эфиопии на собственные средства скромного подворья Афонского Свято-Андреевского скита для бывших военных с собственным хозяйством и школой. Для скита он выбрал небольшой нелюдимый островок на озере Хорошал в двух днях пути к юго-западу от абиссинской столицы.

Однако попытки получить разрешение властей на основание скита закончились неудачно. Менелик II лежал в параличе, за его спиной шла борьба за власть между новыми элитами: сторонниками внука императора Лиджа Иэясу и северо-эфиопской знатью во главе с императрицей Таиту, влияние российских представителей на которые было нулевым.

Чрезмерная самостоятельность Антония, нежелание кого-либо посвящать в свои планы, их несогласованность с руководством Андреевского скита на Афоне, представителями Святейшего Правительствующего Синода и Министерства иностранных дел Российской империи сделали его проекты неосуществимыми и обострили отношения с руководством обители. Не учел Антоний и изменение внешнеполитического курса и экономических приоритетов Российского государства при Николае II (1894–1917), когда интерес к Эфиопии существенно снизился⁵⁴.

Не получив никакой поддержки со стороны эфиопских властей, российских дипломатических представителей в Аддис-Абебе, Афонского монашества, покинутый своими спутниками (с Антонием в Абиссинию первоначально прибыли еще два монаха) и оставшийся в полном одиночестве, он был вынужден 8 декабря 1911 г. покинуть Африку и вернуться

на Афон. Очередная попытка создания в Эфиопской империи постоянного представительства Русской Православной Церкви закончилась неудачей.

Таким образом, следует отметить, что церковные контакты действительно могли стать фундаментом, на котором можно было выстроить здание более широких официальных связей Российской и Эфиопской империй. В условиях обострения борьбы за Африканский континент Духовная миссия могла быть важным инструментом получения информации о политическом, религиозном, военном состоянии христианской Абиссинии, механизмом установления контактов с представителями правящей элиты и духовенства, отличным прикрытием колониальных экспедиций. Христианские ценности, сходство веры и исторического пути двух стран, тождественность их политических интересов и целей были важными предпосылками создания Русской Духовной миссии в Абиссинии. Можно отметить четыре попытки создания такого представительства в Абиссинии во второй половине XIX — начале XX в. Однако все они, за исключением третьей, не принесли желаемых результатов, что было обусловлено прежде всего недостаточным вниманием российской правящей элиты к региону, ее неготовностью отстаивать интересы страны в столь отдаленных от собственных границ областях, межведомственными и внутриведомственными разногласиями, непродуманной кадровой политикой. В начале XX в. к вышеперечисленным аспектам прибавились начавшийся на рубеже XIX–XX вв. кризис Русской Православной Церкви, переориентация внешней политики Российской империи, изменение ситуации в Эфиопии, связанное со сменой правящих элит в силу тяжелой болезни императора Менелика II.

Примечания

¹ Федоров В.А. Русская православная церковь и государство: Синодальный период (1700–1917). М., 2003.

² Смирнова И.Ю. (а) Конфессиональный вектор внешней политики России: к истории взаимодействия МИДа и Св. Синода в XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 353.

³ Смирнова И.Ю. (б) Министерство иностранных дел и русские Духовные миссии за рубежом (вторая половина XIX в.) // Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии. Материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Натальи Федоровны Демидовой (Уфа, 16–18 декабря 2020 г.). Уфа, 2021. С. 245.

⁴ См., например: Герд Л.А. Англиканская и русская православная миссии к несторианам Персии и Турции в конце XIX в. (по материалам донесений британских дипломатов) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 137–157 и др.

⁵ Григорьева С.В. (а) Русско-эфиопские отношения: страницы прошлого. Нижний Новгород, 2014. С. 33–35; Григорьева С.В. Дискуссия о возможностях объединения Русской и Эфиопской церковью в историографическом дискурсе второй половины XIX в. // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 196–198; Ульяновский В.И. Эфиопская грамота архимандрита Ефрема и ее контексты // Сообщения ростовского музея. 2020. № 25. С. 131–132; Хренков А.В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. 1991. № 27. С. 186–189.

⁶ Хренков А.В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. 1991. № 27. С. 186.

⁷ Там же. С. 187.

⁸ Епископ Порфирий (Успенский). (б) Восток христианский. Участие России в судьбе Абиссинии // Труды Киевской Духовной академии. 1866. № 8. С. 419, 423.

⁹ Епископ Порфирий (Успенский). (а) Абиссиния. Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней // Труды Киевской Духовной академии. 1866. № 3–5; Он же. (б) Восток христианский. Участие России в судьбе Абиссинии // Труды Киевской Духовной академии. 1866. № 8.

¹⁰ Епископ Порфирий (Успенский). (б) Восток христианский. Участие России в судьбе Абиссинии // Труды Киевской Духовной академии. 1866. № 8. С. 415.

¹¹ См. подробнее: Григорьева С.В. Дискуссия о возможностях объединения Русской и Эфиопской церковью в историографическом дискурсе второй половины XIX в. // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 196–219.

¹² Булатович А.К. От Энтодо до реки Баро: отчеты о путешествии в Юго-Западной области Эфиопской империи в 1896–1897 гг. СПб., 1897. С. 177.

¹³ Гусарова Е.В. Заметки по истории абиссинского монастыря в Иерусалиме // Петербургская эфиопистика. Памяти Севира Борисовича Чернецова / Отв. ред. А.Ю. Желтов, С.А. Французов. СПб., 2019. С. 192–199.

¹⁴ Хренков А.В. К истории русско-эфиопских религиозных контактов // Страны и народы Востока. 1991. № 27. С. 187.

¹⁵ Гусарова Е.В. Роль Александрийского Коптского Патриархата в «абиссинской авантюре» Н.И. Ашинова (на основе архивных материалов) // Вестник Екатеринбургской Духовной семинарии. 2021. № 34. С. 204–205.

¹⁶ Гусарова Е.В. Роль Александрийского Коптского Патриархата в «абиссинской авантюре» Н.И. Ашинова (на основе архивных материалов) // Вестник Екатеринбургской Духовной семинарии. 2021. № 34. С. 206.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Григорьева С.В. (а) Русско-эфиопские отношения: страницы прошлого. Нижний Новгород, 2014. С. 68–70.

- ¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Стол 3. Отд. II. Д. 180. Л. 24.
- ²⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Стол 3. Отд. II. Д. 180; Гусарова Е.В. Роль Александрийского Коптского Патриархата в «абиссинской авантюре» Н.И. Ашинова (на основе архивных материалов) // Вестник Екатеринбургской Духовной семинарии. 2021. № 34. С. 202–203; Гусарова Е.В. Эфиопские рукописи наследство экспедиции Н.И. Ашинова в Абиссинию // Сборник музея антропологии и этнографии. Кунсткамера: коллекции и хранители. Т. 62. СПб., 2016. С. 80.
- ²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92. Д. 598. 3-е делопроизводство. Т. 1. Л. 162.
- ²² Там же.
- ²³ Тихон (Затёкин), архим. Отец Паисий и Русская Миссия в Абиссинии // Иерусалимский вестник Императорского православного палестинского общества. 2014. № 5–6. С. 20–24.
- ²⁴ Елисеев А. Отец Паисий и Русская Духовная миссия в Абиссинии // Русский паломник. 1888. № 44, 45, 47.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92. Д. 598. 3-е делопроизводство. Т. 1. Л. 132; РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 517. Л. 8–11.
- ²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 517–518; Оп. 445. Д. 64.
- ²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 518. Л. 17–23.
- ²⁸ См., например: Луночкин А.В. «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 1999 и др.
- ²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 518. Л. 1–138.
- ³⁰ Тихон (Затёкин), архим. Отец Паисий и Русская Миссия в Абиссинии // Иерусалимский вестник Императорского православного палестинского общества. 2014. № 5–6. С. 20–24.
- ³¹ Там же.
- ³² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 92. Д. 598. 3-е делопроизводство. Т. 1. Л. 382.
- ³³ Ульяновский В.И. Эфиопская грамота архимандрита Ефрема и ее контексты // Сообщения ростовского музея. 2020. № 25. С. 125–181.
- ³⁴ Ефрем, архим. Поездка в Абиссинию. М., 1901. С. 12.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 12, 15.
- ³⁷ Там же. С. 15.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 129.
- ⁴⁰ Там же. С. 147.
- ⁴¹ Там же. С. 147, 151.
- ⁴² Ульяновский В.И. Эфиопская грамота архимандрита Ефрема и ее контексты // Сообщения ростовского музея. 2020. № 25. С. 125.
- ⁴³ Там же. С. 169.
- ⁴⁴ Ефрем, архим. Поездка в Абиссинию. М., 1901. С. 138.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 833. Л. 56–59 об.; Соколов А. Православный прозелитизм на Ближнем Востоке и в Эфиопии: мифы и действительность // Азия и Африка сегодня. 2005. № 10. С. 64.
- ⁴⁶ Булатович А.К. От Энтото до реки Баро: отчеты о путешествии в Юго-Западной области Эфиопской империи в 1896–1897 гг. СПб., 1897; Булатович А.К. Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа // Известия Русского Географического Общества. 1899. № 35–36. С. 259–283; Булатович А.К. С войсками Менелика II: дневник похода из Эфиопии к северу Рудольфа. СПб., 1900 (переизд.: М., 1971); Булатович А.К. Третье путешествие по Эфиопии. М., 1987.
- ⁴⁷ Ижицкий Г.В. О духовном и жизненном пути А.К. Булатовича // С войсками Менелика II. Дневник похода из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа А.К. Булатовича. Харьков, 2021. С. 6–72; Кацнельсон И.С. А.К. Булатович гусар, землепроходец, схимник // Булатович А.К. С войсками Менелика II. М., 1971. С. 3–31; Криндач О.Е. Русский кавалерист в Абиссинии. Из Джибути в Харар. СПб., 1898.
- ⁴⁸ Ижицкий Г.В. О духовном и жизненном пути А.К. Булатовича // С войсками Менелика II. Дневник похода из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа А.К. Булатовича. Харьков, 2021. С. 52–55; Кацнельсон И.С. А.К. Булатович гусар, землепроходец, схимник // Булатович А.К. С войсками Менелика II. М., 1971. С. 26–29.
- ⁴⁹ Ижицкий Г.В. О духовном и жизненном пути А.К. Булатовича // С войсками Менелика II. Дневник похода из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа А.К. Булатовича. Харьков, 2021. С. 54; Шумило С.В. Неизвестное письмо иеросхимонаха Антония (Булатовича) на имя императора Николая II как источник по истории скита «Черный Вир» и «имяславских споров» на Афоне // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 95. С. 98.
- ⁵⁰ Ижицкий Г.В. О духовном и жизненном пути А.К. Булатовича // С войсками Менелика II. Дневник похода из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа А.К. Булатовича. Харьков, 2021. С. 56.
- ⁵¹ Шумило С.В. Неизвестное письмо иеросхимонаха Антония (Булатовича) на имя императора Николая II как источник по истории скита «Черный Вир» и «имяславских споров» на Афоне // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 95. С. 100.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Ижицкий Г.В. О духовном и жизненном пути А.К. Булатовича // С войсками Менелика II. Дневник похода из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа А.К. Булатовича. Харьков, 2021. С. 56–57.
- ⁵⁴ Григорьева С.В. (а) Русско-эфиопские отношения: страницы прошлого. Нижний Новгород, 2014. С. 93–98.

Христианская проповедь, обращенная к буддистам

Р.С. Готман

Одна из серьезных проблем в восприятии новой информации, новых идей связана с отношением к человеку, который эти идеи высказывает. В подавляющем большинстве случаев люди с легкостью учатся у того, кто обладает авторитетом в их глазах, и не воспринимают очевидные истины от тех, кого не уважают. Это свойство восприятия в разной степени характерно практически для всех представителей рода человеческого, и любой проповедник должен это учитывать. Мы сами с легкостью принимаем определенные истины из Писания, внимаем проповеди православного священника и стараемся следовать наставлениям своего духовника, но те же идеи, даже в тех же формулировках, высказанные представителями иной религии, прочитанные в Коране либо буддийских сутрах, с легкостью проходят мимо нашего внимания. При этом наша проповедь по той же причине в большинстве случаев либо просто не воспринимается иноверцами, либо подвергается серьезной критике с их стороны. Миссионер или христианский апологет должен принимать ситуацию изначального неприятия его благовествования большинством из его слушателей в качестве нормы. Но при этом проповедник должен искать возможности заинте-

ресовать людей, искать возможности устранения препятствий, которые мешают им принять весть о Христе и спасении.

В настоящее время православным миссионерам приходится сталкиваться с множеством иных учений и религиозных систем, и одна из важнейших задач в этом служении — найти свой «алтарь неведомому Богу» в религиях, к представителям которых обращается проповедь. Когда проповедь обращена к буддистам — очень важно выявить общие основы, на которых может строиться дальнейший диалог. И неоценимую помощь в этих поисках может оказать книга Далай-ламы XIV «Благое сердце: Беседы с Далай-ламой об учении Иисуса». Христианский проповедник, который планирует обращаться с проповедью к буддистам Ваджраяны, для которых Далай-лама является безусловным авторитетом, просто обязан внимательно изучить эту книгу. В ней виден взгляд образованного буддиста на Иисуса Христа и христианство, очень хорошо проявляются как характерные для буддистов ошибки в восприятии евангельской вести, так и верные моменты, которые могут служить основанием для диалога. Подробное исследование данной книги требует отдельной работы большого объема, а в

нашей статье мы попробуем обратиться к словам Далай-ламы, выражающим его понимание христианской теологии.

«Одним из самых трудных понятий, о которых мы ведем речь, особенно для буддистов, является концепция божественного бытия, Бога. Разумеется, эту концепцию можно рассматривать как нечто невыразимое, как нечто, что находится за пределами языка и концептуальности. Но на теоретическом уровне человек должен признать, что понятия Бога и Творения — это отправная точка сближения буддистов и христиан. Что же касается меня, я верю, что у буддизма и христианства есть общие аспекты, а также общие точки для обсуждения.

Например, если взять природу всех естественных обстоятельств, то, с точки зрения здравого смысла, каждое событие должно иметь причину и должны быть определенные условия и основания, приводящие к этому событию. Это касается не только жизни отдельного человека, но и всей вселенной. Все мы согласны с тем, что ничто не происходит беспричинно как во вселенной, так и в нашей жизни. Тогда возникает вопрос: если это так, если наше существование имеет причину, равно как и существование самой вселенной, тогда где находится эта причина? А если рассуждать дальше и предположить, что и причина тоже должна иметь свою причину, тогда мы получим бесконечный регресс.

Чтобы разрешить этот вопрос бесконечного регресса, следует постулировать некое начало Творца и согласиться с особенностями этого Творца, а именно: он независим, самосозидателен, всемогущ и не нуждается ни в какой причине. Принятие концепции начала — это один вариант решения проблемы бесконечного регресса».

В данном тексте в первую очередь привлекают внимание слова Далай-ламы о понятии Бога и Творения в качестве отправной точки сближения буддистов и христиан. Чтобы понять весь вышеприведенный текст, нам нужно выяснить, что его автор подразумевал, говоря о «точке сближения». Для того чтобы мы лучше представляли себе, о чем здесь идет речь, нам нужно изучить взгляды на идею Бога Творца, творение мира и все то, что, по словам Далай-ламы, является отправной точкой между буддизмом и христианством, в трех основных направлениях буддизма, существующих в настоящее время.

1) В классическом буддизме, опирающемся на Палийский канон и учение, данное Буддой Шакьямуни, вопрос творения мира, его начала практически не рассматривается, по умолчанию принимается идея безначальной сансары, в которой пребывают все живые существа до освобождения. Казалось бы, если нет идеи творения мира — не должно быть представлений о Боге Творце. Но это не так — вопрос происхождения Бога Творца (не идеи Бога, а самого Бога, иллюзорно творящего мир, в котором пребывают иные живые суще-

ства) рассматривается Буддой. Кроме того, если мы обратимся к истории просветления Будды, мы увидим, что одно из первых его видений после достижения состояния нирваны — бог Брахма, в то время почитавшийся в Индии именно в качестве Бога Творца, который «смирненно кланялся Будде, прося его дать учение». Мы видим, что изначально Будда ставит себя выше всех божеств, в том числе и выше Творца.

Понимание Буддой происхождения Бога Творца и творения мира подробно излагается в Брахмаджалла сутре. Суть его представлений, изложенных довольно пространно, сводится к следующим положениям.

— На определенном этапе существования мира все живые существа приходят к состоянию ума «мира без форм», в котором все пребывают в блаженстве медитативного погружения, которое рано или поздно заканчивается, благодаря исчерпанию заслуг, приводящих существо в высший божественный мир.

— Одно из существ, у которого исчерпываются заслуги, позволяющие пребывать в высшем «мире без форм», выпадает в более низкий «мир форм», в котором попадает в развернувшийся «дворец Брахмы».

— Благодаря кармическим связям между всеми живыми существами другие существа выходят из «мира без форм» уже в «мир форм» в видении первого существа, в тот самый «дворец Брахмы», начиная воспринимать первое существо в качестве Бога Творца, а себя в качестве творения. Естественно, первое существо само воспринимает себя творцом мира и творцом других живых существ, но, с точки зрения Будды Шакьямуни, это иллюзорные и ложные представления.

— В дальнейшем существа исчерпывают свои заслуги и выпадают из «дворца Брахмы» в более низкие «миры страстей», но у них сохраняется память о блаженстве в этой сфере бытия, и они пытаются вернуться к Брахме и в его «дворец». При этом сам Брахма поддерживается в своем состоянии «творца» до тех пор, пока все живые существа снова не погружаются в состояние «мира без форм», после чего появляется новый «творец». Количество таких циклов не имеет начала и конца, и освободиться от этой иллюзии, согласно учению Будды, можно только освободившись в состоянии просветления.

В данной работе мы не станем заниматься критическим анализом этого мировоззрения, просто отметим, что учение самого Будды Шакьямуни противоречит тем представлениям о Боге Творце, о которых говорит Далай-лама. Творец, с точки зрения Будды, — одно из существ сансары, связанное кармой и нуждающееся в учении Будды для обретения просветления.

2) Махаяна, самое распространенное в наше время направление буддизма, появляется в первом веке нашей эры. Ее появление связано с монахом Нагарджуной, который, по преданию, получил су-

тры махаяны от нагов, которые хранили их со времен тайной проповеди самого Будды Шакьямуни. Наги — змееподобные существа, враждебно настроенные к людям, живущие под землей или под водой. И именно от этих существ почему-то были получены буддийские учения о высочайшем страдании, о любви и о пути бодхисатвы.

Сам Нагарджуна прославился тем, что опровергал все концепции, попадавшие в его поле зрения. Одно из его произведений «Опровержение идеи Бога-творца и творения Вишну» как раз рассматривает идею Бога Творца с точки зрения буддизма. Аргументация в его работе довольно слабая, современные буддисты практически не используют ее в полемике с верующими в Бога, а современные атеисты в своем обосновании богоборчества продвинулись далеко вперед. Но работа Нагарджуны — это все-таки классика, связанная с именем человека, на работах которого основано самое распространенное направление буддизма, обладающего высочайшим авторитетом как для буддистов махаяны, так и для представителей ваджраяны.

Нагарджуна пытается опровергать идею Бога Творца, основываясь на двух основных аргументах:

а) Бог не творит уже существующего, потому что уже существующее — и так существует, а несуществующего Бог не творит потому, что несуществующее — не существует (в качестве примеров несуществующего Нагарджуна приводит масло из песка и шерсть на панцире черепахи). В принципе первый аргумент — разновидность софистики, так как здесь просто не учитывается фактор времени (до творения человек был несуществующим, после творения — стал существовать).

б) Для того чтобы существовать, Бог должен был сам возникнуть. Если Бог возник — значит у него должна быть своя первопричина, а у нее — своя, и так до бесконечности. Естественно, такой подход просто противоречит понятию Бога Творца как о причине существования мира, которая существует изначально, в вечности, и не имеет причины своего появления. И именно об этом говорит Далай-лама в вышеприведенном тексте.

Слабость аргументации буддизма того времени и привела к тому, что через несколько веков это учение было практически полностью вытеснено из Индии теистическими религиями. Постепенно буддизм ушел из Индии и появился там вновь практически только в середине XX века, вместе с беженцами из Тибета, которые стали строить там свои монастыри и учебные центры.

3) В буддизме ваджраяны существует ряд специфических представлений, которые некоторыми исследователями толкуются как представления о Боге Творце. В самом деле, учение об Ади Будде (Изначальном Будде), который в текстах ваджраяны называется Царем Всетворящим, изначально природой всех живых существ, очень похоже на теистические воззрения. Мы можем вспомнить слова

свт. Григория Паламы: «Бог есть и называется природой всего сущего, ибо Ему все причастно и существует в силу этой причастности, но причастности не к Его природе, а к Его энергиям». И, на первый взгляд, может показаться, что изначальная природа всех живых существ, о которой говорят тексты ваджраяны, и природа всего сущего, о которой пишет свт. Григорий, — одно и то же. Но подобное сходство мы будем наблюдать только до тех пор, пока не разберемся, что подразумевают буддисты под этими словами.

На самом деле, когда буддист говорит об изначальной просветленной природе всех живых существ, он имеет в виду, что у каждого живого существа одинаковое изначальное состояние, которое и есть состояние Будды, состояние просветления. Это не что-то единое, объединяющее все существа. Когда речь идет об одинаковой изначальной природе, говорится примерно то же, что мы говорим о наличии двух рук или одной головы у всех людей (без учета патологий). Изначальная природа — это состояние осознанности, которое просто есть у каждого живого существа и никак не связано с единым Богом Творцом. Всетворящим Царем изначальное состояние названо потому, что по буддийским представлениям изначальной природой каждого живого существа, в соответствии с его кармическим видением, творится воспринимаемый этим существом мир. Ни о каком «мире вообще» существо ничего сказать не может, потому что для других существ мир представлен в ином виде, в связи с их кармическим видением. Есть определенные связи между существами с близким кармическим видением (тот же дворец Брахмы, о котором говорил Шакьямуни, по буддийским воззрениям является следствием кармических связей между существами). Но все эти взаимосвязи, возникновение и исчезновение миров — иллюзии, появляющиеся и разрушающиеся с течением времени, и никакого истинного Бога Творца в этих иллюзорных мирах быть просто не может. Существо, распознавшее свою истинную природу и освободившееся от кармического видения, — освобождается из этого иллюзорного круга перерождений, достигая просветления.

В этой концепции появление идеи Бога Творца — является одним из заблуждений, от которого рано или поздно нужно будет избавляться. И стремление к Богу Творцу, служение Ему, молитва Ему в воззрениях ваджраяны является скорее тем, что связывает существо в сансаре, а не избавляет от нее.

Самое интересное, что сам Далай-лама, являющийся лидером крупнейшего из направлений ваджраяны, многократно говорил о том, что монотеизм и буддизм — противоположные по своей сути воззрения. О себе он говорил как о «самом большом атеисте на земле». В одной из бесед на вопрос о существовании Бога Творца Далай-лама ответил: «В текстах, где приводится Слово Будды, можно найти весьма недвусмысленные указания на то, что Бога Творца не существует».

...Дхармакирти во второй главе «Изложения достоверных способов познания» занимает очень твердую и четкую позицию по этому вопросу. Дхармакирти обсуждает один из стихов, где говорится, что под «полностью просветленным» понимается «ставший» совершенным. Само используемое здесь слово «ставший» свидетельствует об отсутствии веры в вечное и абсолютно совершенное существо. Будда Шакьямуни стал полностью просветленным благодаря причинам и условиям, в процессе обучения и становления. Вот почему было выбрано слово «ставший». Такова позиция буддистов в этом вопросе». То есть речь не идет о том, что какое-то учение истинно, а иное — ложно. Далай-лама просто учит тому, что кому-то больше подходит монотеизм, а кому-то — буддизм. Все это связано со склонностями, темпераментом и воспитанием людей, а никак не с объективной истинностью или ложностью тех или иных воззрений.

На первый взгляд — очень красивая идея суперэкуменизма, но такой подход выносит за скобки само понятие истины. Ведь мы можем с таким же успехом сказать, что тот же сатанизм или религиозные культы с человеческими жертвоприношениями тоже соответствуют темпераменту и мировоззрению каких-то людей, с их точки зрения — эти культы позволяют человеку самосовершенствоваться, помогают добиваться поставленных целей и т. п. Естественно, буддист, как и христианин, не согласится с подобным утверждением, так как развивающее учение не может быть основано на причинении страданий другим людям или на сознательном культивировании низменных инстинктов в человеке. Но если истинной целью человеческой жизни является не просто развитие в себе сострадания и других благих качеств, а восстановление утраченного единства в любви с Богом Творцом буддизм, отрицающий Его существование, является одним из ложных учений, ведущих человека в неверном направлении. Поэтому для того, чтобы действительно найти верный путь духовной жизни, нужно искать истину о нашем предназначении. Без поиска истины мы будем обречены на выбор пути, подходящего не просто под наш темперамент и какие-то склонности, но и под наши страсти и привычки, с которыми так не хочется расставаться.

Но на самом деле буддисты обычно очень хорошо видят грань между истинными и ложными учениями и о ложности монотеистического мировоззрения (с их точки зрения) в большинстве случаев говорят прямо и без особых стеснений. Просто Далай-лама в данном случае выступал перед христианской аудиторией, и он является очень талантливым проповедником, понимающим, где и что можно говорить, а о чем лучше промолчать. Поэтому мы не должны воспринимать его слова в качестве переворота в буддийском мировоззрении. Буддизм был и остается атеистической системой, и Далай-лама XIV остается последовательным проповедником этого учения, но его слова об отправной

точке сближения между буддистами и христианами дает миссионерам и апологетам, обращающимся к буддистам ваджраяны, огромные возможности в ведении дискуссии о самых важных мировоззренческих вопросах.

Начиная разговор с буддистами со слов Далай-ламы, христианский миссионер в первую очередь решает ту самую проблему авторитета, о которой говорилось в начале статьи. Буддисту ваджраяны сложно будет просто отбросить его размышления о христианстве, Боге Творце и творении мира, поэтому, скорее всего, завяжется дискуссия о том, что на самом деле имел в виду Далай-лама. И общение можно очень легко привести к обсуждению важнейших вероучительных и мировоззренческих вопросов, о которых говорится в книге «Благое сердце...», таких как:

1. Проблема бесконечного регресса.
2. Причина упорядоченности Вселенной.
3. Проблема смысла существования человека, смысла совершенствования и соблюдения определенных моральных принципов.

Здесь мы не будем раскрывать эти проблемы с христианской точки зрения — все это подробно описано в апологетической литературе, и любой христианский проповедник должен быть готов отвечать на подобные вопросы без предварительной подготовки.

Далай-лама в беседе с христианами сам поднимает очень важные вопросы и сам дает ответы, вполне согласующиеся с христианским учением. В этом заключается основная ценность для межрелигиозного диалога книги Далай-ламы «Благое сердце. Беседы с Далай-ламой об учении Иисуса».

Литература

1. Брахмаджала Сутта. Сутта о сети совершенства (Дигха Никая, 1) (Перевод с пали А.Я. Сыркина.) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/sutra/brahmaja.htm>

2. Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Благое сердце. Беседы с Далай-ламой об учении Иисуса, пер. Новиков В.Г. [Текст] — М.: Изд-во Деком, 2006 г. 184 с.

3. Далай-лама: вопросы и ответы. (Перевод Юлии Жиронкиной.) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ningma.org.ua/index.php/наставления-учителей/605-401?showall=1&limitstart=>

4. Нагарджуна. Опровержение идеи Бога-творца и творения Вишну. (Перевод В. Андросова.) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/nagnogod.htm>

5. Осипов А.И., проф. Путь разума в поисках истины. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://predanie.ru/lib/book/67945/>

- **Официальное издание Центра поддержки миссионерских станов**
e-mail: m.s.magazine@mail.ru

- **№3 (15) май-июнь 2024 г.**
Третий год издания.
Учредитель:
Центр поддержки миссионерских станов
e-mail: missionarystan@gmail.com
<http://портал-миссия.рф>

- **Главный редактор:**
Высокопреосвященный Иоанн,
митрополит Белгородский и Старооскольский,
руководитель Центра поддержки миссионерских станов

- **Первый заместитель главного редактора:**
протоиерей Андрей Королев
Заместитель главного редактора:
протоиерей Александр Короткий
Выпускающий редактор:
игумен Агафангел (Белых)
e-mail: agafangel@bk.ru
Художественный редактор:
Татьяна Студеникина

- **Верстка:**
Ксения Михалева, Андрей Кутковой
Корректурa:
Элла Воронова

- **Адрес редакции:**
308000, г. Белгород, проспект Славы, 31,
Издательский дом Белгородской митрополии
во имя священномученика Никодима, епископа Белгородского.
Тел.: 8 (4722) 27-42-12
E-mail: otdel2006@yandex.ru

6+ (знак возрастного ограничения).
Подписано в печать по графику: 08.07.2024 в 16:00,
фактически 08.07.2024 в 16:00.
Дата выхода: 15.07.2024.

Отпечатано в ООО «Константа», Белгородская обл.,
Белгородский район, пгт Северный, ул. Березовая, 1/12.
Заказ 24-01234. Тираж 998.

■ ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР ШМЕАН:

ВЕРА, КОТОРАЯ СОЗДАЛА ЦЕРКОВЬ И КОТОРОЙ ТА ЖИВЕТ, – ЭТО ЖИВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ОПРЕДЕЛЕННЫМ СОБЫТИЯМ – ЖИЗНИ, СМЕРТИ, ВОСКРЕСЕНИЮ И ПРОСЛАВЛЕНИЮ ИИСУСА ХРИСТА, ЕГО ВОСХОЖДЕНИЮ НА НЕБО, СОШЕСТВИЮ СВЯТОГО ДУХА... – ТО ОТНОШЕНИЕ, КОТОРОЕ ДЕЛАЕТ ЕЕ ПОСТОЯННОЙ СВИДЕТЕЛЬНИЦЕЙ И ПРИЧАСТНИЦЕЙ ЭТИХ СОБЫТИЙ ВО ВСЕЙ ИХ ИСКУПИТЕЛЬНОЙ, ЖИЗНЕПОДАТЕЛЬНОЙ И ПРЕОБРАЖАЮЩЕЙ РЕАЛЬНОСТИ.

**ХРИСТИАНСКАЯ
ПРОПОВЕДЬ,
ОБРАЩЕННАЯ
К БУДДИСТАМ**

**МИССИОНЕРЫ
ЖИЛИ
В ТУВИНСКОМ
ПОСЕЛКЕ
БАЙ-ХААК**

**ИРКУТСКИЕ
МИССИОНЕРЫ
ПОСЕТИЛИ
ОТДАЛЕННЫЕ
ПРИХОДЫ**

**ЖУРНАЛ
ЦЕНТРА
ПОДДЕРЖКИ
МИССИОНЕРСКИХ
СТАНОВ**

**АДРЕС:
Белгород,
пр. Славы, 31**

**ТЕЛЕФОН:
+7 4722 27-42-12**

**ПОЧТА
m.s.magazine@
mail.ru**

**САЙТ
портал-миссия.рф**